

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА

НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

**Сборник научных трудов
по материалам I Международной
научно-практической конференции**

**ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ И
ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

25 января 2016 г.

Нижний Новгород, 2016

www.scipro.ru

**НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

**Сборник научных трудов
по материалам I международной
научно-практической конференции**

25 января 2016 г.

www.scipro.ru
Нижний Новгород 2016

УДК 165
ББК 60

Г 93

Редакторы:
Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк

Гуманитарные науки и проблемы современной коммуникации: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 25 января 2016 г. - Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука» - 2016. - 79 с.

ISBN 978- 5-00-005484-9

В сборнике научных трудов рассматриваются проблемы массовых коммуникаций современном и историческом процессах, текста, философских, культурологических, стилистических, литературных, жанровых и социальных аспектов, по материалам научно-практической конференции «Гуманитарные науки и проблемы современной коммуникации» (25 января 2016 г.).

Сборник предназначен для практиков, руководителей всех уровней, научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все включенные в сборник статьи прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – **РИНЦ** по договору № 2819-10/2015К от 14.10.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте <http://www.scipro.ru>.

УДК 165
ББК 60

ISBN 978- 5-00-005484-9

- @ Редакторы Н.А. Краснова,
Т.Н. Плесканюк, 2016
- @ Коллектив авторов, 2016
- @ Индивидуальный предприниматель
Краснова Н.А., 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1. Манипуляция сознанием в сфере массовых коммуникаций.....	5
Понизовкина И.Ф. Амбивалентность социальной мифологии в современном информационно-коммуникативном пространстве	5
Секция 2. Проблемы межкультурной коммуникации в зеркале исторического процесса.....	15
Киреева Е.С. Повышение квалификации работников сельского хозяйства в 60е-80е годы XX века.....	15
Киреева Е.С. Подготовка кадров для сельскохозяйственного производства в 60-80-е годы XX века.....	22
Секция 3. Текст как речевое произведение	28
Громова В.И. Мини-сага как жанр творческой работы (попытка гендерного анализа) ..	28
Секция 4. Философские, культурологические и социальные аспекты коммуникации .	37
Гуляев П.С. К вопросу о феномене русской культуры.....	37
Нурканов А.А. Становление системной этнополитики республики Казахстан	44
Смирнов С.В. Роль информационных процессов в трансформации экзистенциальных качеств современного человека.....	53
Секция 5. Литературный процесс и диалог культур	62
Икитян Л.Н. Провокативное вопрошание у Леонида Андреева (к вопросу о диалоговой традиции Сократа и Лукиана в творчестве писателя)	62
Секция 6. Стилистические и жанровые аспекты коммуникации	73
Шатилов А.С. Динамика изменений стиля газетных заголовков (на примере газеты «Известия» 1990, 2000 и 2010 гг.)	73

Секция 1. Манипуляция сознанием в сфере массовых коммуникаций.

УДК 130.2

Понизовкина И.Ф. Амбивалентность социальной мифологии в современном информационно- коммуникативном пространстве

The ambivalence of social mythology in the modern information and
communication space

Понизовкина Ирина Федоровна,
ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», Москва
irina-ponizovkin@mail.ru

Irina Ponizovkina,
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

Аннотация. Сегодня мультикультурное коммуникационное пространство становится бурной информационной средой, которая существует в новом веке по новым правилам. Информационные масс-медийные технологии стали основными средствами массовой информации и часто приобретают решающую роль в решении культурно-исторических вопросов. В этом случае в межкультурные отношения вступают древние, проверенные временем механизмы мифотворчества.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, информационное пространство, масс-медийные технологии, социальное мифотворчество.

Abstract. Today multicultural space becomes turbulent information environment that exists in the new century under the new rules. Informational mass-media technologies have become major media and often acquire a decisive role addressing cultural and historical issues. In this case the ancient, time-tested

mechanisms of myth wedged in intercultural relations.

Keywords: intercultural communication, information space, mass-media technology, social myth.

Известный исследователь С. Хантингтон в своем самом популярном геополитическом трактате «Столкновение цивилизаций» констатировал: «И всё же очевидно, что основные различия политического и экономического развития цивилизаций имеют корни в различии культур» [8, с.23]. Действительно, у многих современных конфликтов следует искать и тщательно исследовать культурные и национально-исторические истоки. Однако необходимо иметь в виду, что процесс глобализации, охвативший и коммуникационное пространство, проявляется двояким образом, особенно в сфере духовно-культурной.

С одной стороны, наблюдается экономическая, политическая и культурная интеграция, которая приводит к некоторой унификации и стандартизации норм и ценностей жизнедеятельности различных социумов. Это облегчает межэтническое и межкультурное сотрудничество на разных уровнях, ведет к всестороннему расширению международных связей. С другой стороны, глобализация сопровождается центрированными процессами культурно-этнической дифференциации, проявляющейся в стремлении к обособлению, сохранению самобытности, этнической самоидентификации и этноцентризме. Культурно-историческая идентичность выходит по значимости на первый план, о чем свидетельствует прокатившаяся по всему миру волна движений за национально-культурные права или обособление как в развитых странах (Испания, Канада, Великобритания, Китай), так и в развивающихся (африканские государства, Индия и др.).

Эти процессы в современных условиях столь стремительны, что вынуждают исследователей искать адекватные для сегодняшней ситуации формулировки. И часто метафорические определения лучше выражают суть

сегодняшней общественной жизни эпохи «постмодернити», проявляющейся в динамизме, изменчивости, непредсказуемости и неопределенности. Именно поэтому для исследователя Зигмунда Баумана сегодняшний мир представляется «текучей современностью», неустойчивой и фрагментарной, когда «сама почва движется» (по выражению Ф. Эмери) [1, с. 249].

Э. Гидденс в своей книге с красноречивым названием «Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь» видит действительность постоянно «ускользающей из рук» и пытается выразить те чувства непредсказуемости, которые испытывают многие из нас, живущих в эпоху быстрых перемен [5, с.13].

Мне импонирует в большей степени метафорическое определение, которое дал известный специалист в области управления Питер Вейлл, сравнивающий современную ситуацию во всех её проявлениях с постоянно бурлящей водой, когда возникает ощущение постоянного беспорядка и хаоса [4, с.16].

Коммуникационное пространство не является исключением и становится бурной информационной средой, в которой изменяются механизмы кросс-культурного диалога и функционирования процессов внутри мультикультурного пространства. Это касается характера и принципов межкультурных отношений и коммуникаций, а также каналов общения и взаимосвязи. Всё большую роль, подчас решающую, приобретают информационные масс-медийные технологии, ставшие основными средствами массовой информации.

Во многом благодаря современным средствам связи и информации возникает понятие «мировой деревни». Интернет-коммуникации несомненно являются фактором-катализатором глобализации информационного кросскультурного пространства. Это проявляется в создании быстрых межнациональных связей и устойчивом их поддержании, увеличении непосредственных контактов и сближении народов, формировании единых ценностных стандартов и перманентной информационной поддержке

социокультурных, довольно противоречивых, а подчас и маргинальных процессов. Однако Интернет является не только ключом к преодолению коммуникативных барьеров и демократизации социокультурных отношений, что упорно и неоднократно подчеркивалось западными и американскими исследователями в докладах на Всемирном конгрессе в Афинах (2013г.), но и содержит в себе определенную опасность для этих отношений, возводя новые барьеры.

Всё чаще рационально и документально выверенная тактика даёт сбой, пасует перед вызовами времени. «...Редко кто вспоминает, - пишет известный исследователь в области управления профессор Школы бизнеса и государственных административных систем при университете им. Дж. Вашингтона Питер Вейлл, - о том, что наша психика приближается к своего рода красной отметке, как в паровом котле, то есть к состоянию, когда уже невозможно овладеть ситуацией» [4, с.15].

В этом случае в дело вступают древние, проверенные временем механизмы мифотворчества, укорененные в глубинах массового сознания с глубокой древности и продолжающие латентно присутствовать на протяжении столетий. Человечество, как в далекой древности господства мифа, опять живет сегодня в ожидании метаморфоз. И всё чаще они ожидаются и вызывают болезненные опасения в сфере межкультурных отношений. Современная ситуация во многом является перевернутым отражением прошлого, а противоположности, как известно, сходятся. Опять жители «мировой деревни», как и древний родовой человек, чувствуют себя непосредственными соучастниками происходящего вокруг - в силу доступности, он-лайн близости и визуализации информации. При этом для субъекта остается незамеченным её подчас мистифицированный и симулятивный характер.

Ноль-субъект древности находит свое отражение в тотальном субъекте современности, который, однако, часто приходит к утрате собственного «Я», действуя как функциональная единица в крайне сложных каузальных сетях.

В этом случае нестабильность превращается в хаос, и тогда легче отказаться от любой сложности и перейти к психологической защите – перцептивной простоте по принципу древних бинарных оппозиций: «черное-белое», «свой-чужой» и т.п. В результате в ход идут разрушение памятников иной культуры, запелляционные и безосновательные обвинения чужих культур и наций, стремление к культурной демаркации. В лучшем случае упрощенный взгляд на другие культуры может выразиться в подведении содержания других культур под стандарты своей собственной.

При укрепившемся мифологическом восприятии никакие рациональные доводы или указания на противоречия не способны поколебать уверенность в правдивости сложившейся картины. Мифологическое сознание носит заведомо не критический характер и позволяет субъекту органично вписаться в любую, самую сложную и запутанную ситуацию или неоднозначные мультикультурные отношения, сохранив при этом свою собственную целостность и целостность воспринимаемого бытия. Поэтому не стоит удивляться противоречивости и непоследовательности стандартов общественного мифологизированного сознания. Трагическая история истекающей кровью девочки, рассказанная и показанная в ходе судебного процесса над бостонским террористом Царнаевым, вызвала вполне искренние слезы американской общественности и правосудия, а также негодующие громкие призывы к высшей мере наказания. И при тех же ценностных ориентациях страшная статистика гибели десятков детей юго-востока Украины, Ирака, Сербии при не менее трагических обстоятельствах, оставляют ту же публику и американские СМИ равнодушными. Рациональные доказательства преступлений не идут ни в какое сравнение с мифологизацией факта.

При этом эмоциональность восприятия информации резко возрастает либо искусственно подогревается, поскольку культурно-исторические вопросы затрагивают самые тонкие «струны» души. И тогда даже самая незначительная или нелепая с рациональной точки зрения деталь, но

эмоционально преподнесенная и ситуативно акцентированная, становится значительным «фактом». Вспомним хотя бы эмоциональное выступление главы Украины П. Порошенко в Давосе после парижской трагедии «Charlie» с демонстрацией «символа террористической атаки против своей страны» - части автобуса из Волновахи с «повреждениями от фрагментов российской ракеты, которая убила моих людей» [<http://russian.rt.com/article/70070>]. За потоком эмоций уже не столь важны истинные факты. Современная Украина и события вокруг неё вообще являются примером несокрушимой роли современного мифотворчества в межкультурных отношениях и разнообразных его каналов, своевременно недооцененных российскими политиками.

Эмоциональность восприятия помогают поддержать определенная ритуальная деятельность или спланированное коллективное действие, реальные или виртуальные, которые призваны показать сплоченность «своих», а на деле подвергнуть их бессознательной суггестии, т.е. эмоционально-коммуникативному заражению. Это может быть исполнение песни самодеятельным хором, участие в он-лайн акции, выкрикивание лозунгов, общее скакание, бессмысленное на первый взгляд коллективное поедание хрена и т.п. Не последнюю роль в создании стойких мифологических образов играет визуализация информации с помощью мультимедийных средств, видеоряд, опирающийся на привычные архетипы (Героя, Спасителя, Вселенского зла, Жертвы и т.д.). Под влиянием аудиовизуальных технологий каналы межкультурных коммуникаций становятся более разнообразными и убедительными.

Надо признать, что в США механизмы мифотворчества, вероятно, хорошо изучены и достаточно эффективно применяются, хотя это не передается особой огласке даже в научных кругах. Кризисный период в развитии США с лихвой компенсировался созданием исторической мифологии в виде фильмов, выдвинутых на Оскар («Непокоренный», «Линкольн», «Бесславные ублюдки» и др.). Режиссер с мировым именем,

лауреат трёх "Оскаров" Оливер Стоун решил в 2012 г. рассказать зрителям новую историю США XX века – «альтернативную мифологию» (по выражению американских критиков), не по американским учебникам, без привычных мифов о торжестве и превосходстве страны, считающей себя сверхдержавой, победителем и мировым полицейским.

Вообще сакрализация прошлого народа как некоего образца и создание положительной «кредитной» истории национальной культуры – типичные черты мифологического сознания, поскольку для него понять происхождение явления означает понять его «причины», дать ответы на многие коренные вопросы самоидентификации народа и создать достойный имидж в мультикультурном пространстве. Поэтому не случайно Украина начала свой «путь к себе» (не без помощи более опытных в этом деле зарубежных специалистов) с переписывания и перекраивания собственной истории, создания самых невероятных мифов собственной истории, которые кажутся фантастическими только внешнему читателю.

В современной ситуации, когда для национального мифотворчества Западом широко используется информационно-медийное пространство, России не стоит смотреть на эти процессы свысока или находиться в стороне от них. Последние мировые политические события, касающиеся России, сделали очевидным методологические недостатки (точнее, недостаточность) рациональных подходов к решению этнических и культурно-исторических вопросов, на которые продолжает опираться наша политика и идеология. В результате пострадал имидж великой страны, имеющей в своей истории немало славных страниц и достойных для подражания героев.

Ведь мифотворчество далеко не всегда подразумевает ложь, искажение фактов и создание фантастических образов, далеких от реальности. Миф всегда играл и играет в истории человечества неоднозначную роль – как прогрессивную, так и негативную. И сегодня этот древнейший феномен продолжает успешно отвечать на вызовы времени, удивляя эффективностью адаптации и действенностью подходов. Конечно,

миф может завести в тупик, заменяя реальный мир мистификациями и историческими фантомами (как это было, например, в фашистской Германии или сталинской России). Может под влиянием СМИ сформировать, по выражению Ж. Бодрийера, гиперреальность, в которой социокультурные явления утрачивают свою связь с действительностью и становятся автономными симулякрами. В этом мире постмодернизма стираются границы между словами и вещами, что является типичной особенностью мифа. Наступает господство информации, текста и контекста, которыми можно распоряжаться для решения политических и иных задач. Внедрение в массовое сознание мифов, основанных на ненависти и подозрительности, призывающих к розни, возвышающих одни культурно-этнические сообщества над другими, способны разрушить общество и духовную культуру.

С другой стороны, сегодня возрастает потребность в социально-культурном мифе как средстве самоидентификации, способе обрести в сложном противоречивом мире свою культурную нишу, чувство защищенности и комфорта, сделать культурное пространство близким и понятным, обретя в нем духовные крепости. Поэтому современное социальное мифотворчество часто выступает в качестве эффективной мобилизующей силы, пробуждающей национальное самосознание и являющей внешнему миру свое достоинство. Такие духовноразвивающие мифы, основанные, как в древности, на симпатическом отношении к окружающему миру и другим культурам, способные упорядочить хаотичную «бурлящую» картину мира, необходимы любой нации, ибо делают ее органичной частью Универсума.

К сожалению, современная Россия, утратив прежние советские мифы как опорные пункты культурно-идеологической политики СССР, не занималась созданием новых, что позволило западному миру пойти в наступление на наши духовные ценности и культурно-исторические достижения, используя весь потенциал вторичного мифотворчества. Считаю

правильным (хотя явно припозднившимся) ответным шагом российского научного сообщества и властных структур – курс на пересмотр школьных учебников по истории. За последние десятилетия интерес учащихся к истории своей Родины заметно снизился, в чем повинны противоречивые, сухо и неинтересно написанные учебники, в которых за бездушными цифрами и фактами исчез живой дух истории народа, а следом и интерес к ней. Когда в прежние времена история была наполнена живыми, почти осязаемыми мифами о героях, событиях и достижениях, история была любимым предметом в школе, который заставлял детей удивляться, сопереживать, испытывать чувство гордости и сопричастности. Но это должно быть лишь началом новой духовной политики, использующей весь арсенал средств в условиях развитых информационных технологий. Ныне необходимо соединение достижений инструментального разума и разнообразных способов коммуникативного взаимодействия, которое выводит в условиях постиндустриального общества духовные ценности на первый план. Однако эта политика должна быть подкреплена развитой информационной рефлексией и повышенными требованиями к информационной культуре, которые призваны обеспечить эффективность межкультурного общения.

В мифологических образах, формирующихся с помощью СМИ и отличающихся синкретичностью, слиты воедино и идея, и чувственно-наглядный образ, и эмоции, и готовность к действию. Они представлены массовому потребителю духовно-культурных ценностей доступно, поскольку в них отсечено всё лишнее, наносное, неважное, а сущностное представлено привлекательно и сочувственно. Система таких образов способна пробудить общественное самосознание, помочь понять и принять культурные стандарты, ценностное содержание и уникальность духовно-исторической миссии не только своего народа, но и других культур, активно способствуя межкультурному диалогу.

В 21 веке в связи с информационно-компьютерной революцией, а

также процессами глобализации мир изменился до неузнаваемости. И во многом это связано с особенностями современного коммуникативного пространства, в границах которого находят себе место самые разнообразные, порой неожиданные социально-культурные феномены, дающие ключ к пониманию и решению множества проблем социума.

Библиографический список

1. Emery F. E. Systems thinking : selected readings. Penguin, 1969.
2. Hall E. T. The hidden dimensions of time and space in today's world // Cross-cultural perspectives in nonverbal communication. Toronto, 1988. P. 141–152.
3. Information for All Programme. IFAP Report. 2008-2013. // <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002308/230847E.pdf>
4. Вейлл П. Искусство менеджмента. – М., 1993.
5. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь – М., «Весь мир», 2004.
6. Железнякова С.И. Образовательная стратегия и демографические факторы // Точки над Ё. 2013. № 2 (7). С. 46-53.
7. Ивлева М.И. Информационно-экологические ориентиры в концепции «трансубъективного» (на примере философии С.А. Аскольдова) // Человеческий капитал. 2014. № 12 (72). С. 89-92.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., АСТ, 2007.

Секция 2. Проблемы межкультурной коммуникации в зеркале исторического процесса

УДК 377.44

Киреева Е.С. Повышение квалификации работников сельского хозяйства в 60е-80е годы XX века

Advanced training in agriculture in the 60s-80s of xx century

Киреева Екатерина Сергеевна

Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И.

Вавилова, г. Саратов

kireeva.caterina2015@yandex.ru

Kireeva Ekaterina Sergeevna

Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov, Saratov

Аннотация: Для эффективной подготовки специализированных кадров работников сельского хозяйства необходимы были высококвалифицированные педагогические кадры. В целях повышения квалификации преподавателей сельскохозяйственных вузов были созданы центры переподготовки и повышения квалификации научно-педагогических работников.

Ключевые слова: повышение квалификации, специализация, сельскохозяйственное образование, вузы, подготовка кадров.

Abstract: For effective training of specialized personnel needed agricultural workers were highly qualified teaching staff. In order to improve the qualifications of teachers of agricultural colleges were established centers of retraining and advanced training of scientific and pedagogical workers.

Keywords: training, specialization, agricultural education, universities,

personnel training.

Усложнение экономических, технических и социальных процессов в аграрной сфере в 60-е–80-е годы XX века требовало существенного укрепления ее кадрового потенциала. Квалифицированные специалисты на селе признавались одним из решающих условий роста сельскохозяйственного производства, которые «...на деле должны были стать проводниками агротехнических и зоотехнических знаний, всего нового, прогрессивного» [3, с. 5].

Одним из ведущих каналов воспроизводства кадровых ресурсов в стране выступала система учебных заведений, в том числе сельскохозяйственного профиля. Важную роль в их дальнейшем развитии играли установки общеобразовательной политики государства. В ее рамках определялись пути развития образовательной системы страны, объемы кадровой подготовки, ведущие направления совершенствования деятельности учебных заведений.

Среди кадровых работников села одними из самых многочисленных являлись работники среднего звена. Именно они организовывали технологический процесс, выполняли практические задачи, налаживали работу трудового коллектива колхозников и работников совхозов. Этой категории работников также как и кадрам массовых профессий были необходимы новые знания, профессиональная квалификация. Кроме того, они должны были обладать широким кругозором, навыками организации трудовых коллективов и производственных процессов.

На первый план выходили вопросы специальной подготовки кадров среднего звена и повышения их образовательного уровня.

Средне-специальные учебные заведения сельскохозяйственного профиля готовили кадры по 20 специализациям. Существовавшая заочная форма обучения специалистов позволяла получать образование без отрыва от производства.

Важную роль в развитии среднего специального

сельскохозяйственного образования играли решения руководящих органов страны. Именно они определяли вектор развития профессионального образования, количество кадров необходимых для эффективного развития сельского хозяйства, условия быта и обучения. Их решения были направлены на ориентирование учебных заведений на подготовку кадров, соответствующих масштабным задачам, которые ставились перед сельским хозяйством страны.

Начало ускорению темпов подготовки специалистов среднего звена для сельского хозяйства было положено в постановлении «О мерах по улучшению подготовки специалистов и совершенствованию высшего и среднего специального образования в стране», принятом Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР 3 сентября 1966 г. [3, с.19]

Данное постановление ставило вопрос о диспропорции в количественном соотношении специалистов с высшим и средним образованием. Зачастую специалисты с высшим образованием привлекались к работам, требующим более низкой квалификации, и тогда вставал вопрос об экономической неэффективности их использования.

Меры, предпринимаемые руководством страны, положительно влияли на качественные показатели обеспечения кадрами сельского хозяйства. Так, если в 1965 г. в сельскохозяйственном производстве СССР было занято 679 тыс. специалистов (в среднем на один колхоз приходилось более 6, на один совхоз – 2-3 специалиста), то к 1977 г. общая численность специалистов, занятых в колхозах и совхозах достигла 1415 тыс. человек. В среднем на один колхоз приходилось уже 19 специалистов, а совхоз – 33 дипломированных специалиста [4, с. 168].

Обеспеченность сельского хозяйства дипломированными специалистами в Поволжском регионе была ниже, чем во многих других экономических регионах страны, что свидетельствует о неравномерности развития данного процесса в региональном разрезе.

В советский период истории нашей страны, подготовка кадров

обеспечивала выпускникам учебных заведений гарантии трудоустройства. А существовавшая практика распределения поддерживала развитие сельского хозяйства.

Руководствуясь основополагающими установками руководящих органов страны и региона, сельскохозяйственные вузы страны вели активную работу по совершенствованию своей образовательной деятельности.

Одной из важных задач, которую приходилось решать вузам на данном направлении, выступала работа по комплектованию контингента абитуриентов, которым предстояло стать студентами в ходе конкурсного отбора при их поступлении на учебу. От уровня подготовленности молодежи к восприятию научной информации во многом зависела как общая эффективность образовательной деятельности вузов, так и материализация знаний выпускников вузов в производственной сфере.

В исследуемый период завершался переход к всеобщему среднему образованию, что расширяло количественно ряды молодежи, изъявляющей желание продолжать обучение в системе вузов. В советский период любые ступени образования были бесплатны для населения, постепенно были устранены какие-либо классовые барьеры на пути к высшему образованию [2, с. 139].

В стране высоким был престиж высшей школы. Стремление молодежи к обретению высшей квалификации в обществе приветствовалось.

Однако количество учащихся, оканчивающих в те годы среднюю школу, стало превышать возможность их приема в вузы [5, с. 73]. Разрешению данного противоречия должна была способствовать ориентация молодежи на поступление в вузы через промежуточное звено – техникумы, но стремление молодежи к получению высшего образования оставалось высоким. Для поступления в вузы кроме мечты необходим был соответствующий уровень знаний и способностей. В вузах сельскохозяйственного профиля пополнение студенческого контингента осуществлялось преимущественно за счет выходцев из сельской местности.

На новом историческом этапе вузам предстояло и далее обеспечивать подготовку кадров в соответствии с потребностями реформируемого сельскохозяйственного производства. Уровень эффективности работы вузов во многом зависел от их укомплектованности высококвалифицированными педагогическими кадрами.

В организации вузовской образовательной деятельности большое место занимали вопросы повышения методического мастерства преподавателей. Особенно актуальными данные вопросы были для вузовских преподавателей-аграриев.

До середины 1960-х годов единой системы повышения квалификации вузовских преподавателей в стране не было, она активно стала формироваться с 1966 года, после принятия партийного постановления, обязывающего соответствующие отраслевые министерства повышать уровень методической подготовки педагогов.

Одним из ведущих центров переподготовки преподавателей сельскохозяйственных вузов являлась Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева. На базе этого вуза действовал факультет переподготовки педагогических кадров по 12 специальностям [1, с. 52].

В целях повышения квалификации научно-педагогических работников их направляли не только в другие вузы, но и в передовые хозяйства для стажировки. Меры по повышению качества подготовки кадров преимущественно сводились к необходимости усиления требований к уровню профессиональной квалификации вузовских преподавателей, ответственности всех подразделений, кафедр вузов за организацию и содержательное наполнение учебного процесса с учетом перспектив развития сельского хозяйства [7, с. 96].

Вышестоящими руководящими инстанциями рекомендовалось преподавателям активнее использовать технические средства обучения, облегчающие студентам усвоение сложных разделов естественнонаучных, специальных и дисциплин.

Качество подготовки специалистов все больше стало увязываться с необходимостью формирования у студентов умения самостоятельно пополнять знания.

В целях совершенствования работы с кадрами факультеты повышения квалификации руководящих кадров и специалистов аграрной сферы стали создаваться и при вузах сельскохозяйственного профиля, которые располагали для проведения подобной работы соответствующей учебной базой. Вузам надлежало обеспечивать обучение кадровых работников села с учетом их профессиональной специализации [6, с. 75]. Переподготовку специалистов вузы осуществляли на основе соответствующих программ для агрономов, зоотехников, экономистов, инженеров. Сельские специалисты в вузах обеспечивались актуальной информацией по теории и практике сельскохозяйственного производства, для руководящих работников в большем объеме преподавались экономические дисциплины, значительное внимание уделялось изучению опыта работы передовых хозяйств.

Таким образом, система высшего сельскохозяйственного образования продолжала свое развитие, которое в целом в конкретно-исторических условиях исследуемого времени отвечало потребностям аграрного производства.

Библиографический список

1. Ножкина И. А., Шалаева С. С. Проблемы кадрового обеспечения АПК на современном этапе / Актуальные проблемы современного гуманитарного знания. – Саратов, – 2011. С. 50-53.
2. Ножкина И.А., Шалаева С.С. Современная историография о состоянии отечественного историописания в контексте развития советского общества 1920 – 1930-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 6-1 (44). – С. 139-143.
3. Романченко В.Я., Шмыгина О.Н., Ножкина И.А. Кадры сельского

- хозяйства: опыт обучения, воспитания и производственной адаптации. – Саратов, – 2014. – 111с.
4. Рубцова В.Н., Шарикова И.В., Шариков А.В., Фефелова Н.П. Территориальный аспект стратегического управления социальными факторами конкурентоспособности населения сельских муниципальных районов // *Економічний часопис-XXI (Economic Annals-XXI)*, – №7-8(2), 2015. – С. 61-64.
 5. Савельев С. И., Ножкина И. А., Федосеева В. И. Концептуальные и институциональные вопросы кадрового обеспечения АПК в современных условиях. / *Актуальные проблемы современного гуманитарного знания.* – Саратов. – 2008. – С. 164-170.
 6. Тюрина А.П. Социально-экономическое развитие советской деревни. 1965 – 1980. – М., – 1982. – С. 74 – 75
 7. Шарикова И.В., Шариков А.В., Лысова Т.А. Трудовые ресурсы аграрных предприятий: проблемы, тенденции (на примере Саратовской области) / *Роль национальных общественных и глобальных институтов в развитии агропромышленного комплекса России и за рубежом: Материалы международной научно-практической конференции.* – 2015. – С. 297-302.
 8. Шмыгина О.Н. Опыт решения проблемы закрепления кадров на селе в 1960 - 1980-е годы // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета.* – 2013. – № 1. – С. 75-77.
 9. Шмыгина О.Н. Развитие высшего сельскохозяйственного образования и вузовской аграрной науки в 1965-1985 гг. (на материалах Саратовской и Волгоградской областей) / *диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук.* – Саратов, – 2013.

**Киреева Е.С. Подготовка кадров для
сельскохозяйственного производства в 60-80-е годы XX
века**

Training for agricultural production in 60-80-ies of xx century

Киреева Екатерина Сергеевна

Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И.

Вавилова, г. Саратов

kireeva.caterina2015@yandex.ru

Kireeva Ekaterina Sergeevna

Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov, Saratov

Аннотация: В статье рассматриваются особенности подготовки кадров массовых профессий для сельского хозяйства в 60-70-е годы XX века. Особое внимание обращалось на подготовку кадров через систему профтехобразования.

Ключевые слова: образование, профессия, СПТУ, подготовка кадров, колхозы, совхозы, сельское хозяйство.

Abstract: The article discusses the features of mass trades training for agriculture in the 60-70 years of the twentieth century. Particular attention was paid to the training of personnel through vocational training.

Keywords: education, profession, vocational schools, training, collective and state farms, agriculture

К началу 1960-х годов XX века особенно остро встал вопрос обеспечения сельского хозяйства квалифицированными кадрами массовых профессий. В своем абсолютном большинстве они не имели специального

сельскохозяйственного образования. С каждым годом в аграрный сектор экономики страны направлялось все больше новейшей техники, оборудования, эффективное использование которых требовало специальных знаний.

В новых исторических условиях, когда подъем сельского хозяйства реально стал занимать одно из центральных мест в политике государства, решение проблемы кадров массовых профессий было поставлено на научную основу.

Региональные партийные, советские, хозяйственные органы управления стали осуществлять свою работу на основе перспективных планов подготовки и выпуска механизаторских кадров, исполнение которых строго контролировалось. Основное внимание в них обращалось на подготовку рабочих через систему СПТУ, которая являлась главной кузницей квалифицированных кадров.

Одновременно с развитием базовых СПТУ во многих регионах в эти годы проводилась большая работа по организации их филиалов непосредственно в передовых хозяйствах, что облегчало задачу подготовки квалифицированных кадров на местах. Так, в Саратовской области в соответствии с региональным планом подготовки и выпуска механизаторов в 1968–1969 гг. на базе передовых совхозов было организовано 23 филиала СПТУ, а всего в области уже к 1970 г. насчитывалось 112 филиалов. В 1970 г. на их долю приходилось 52,1 % всех механизаторов, подготовленных в СПТУ, в то время как в 1966 г. – 10,6 % [2, с. 10].

Уже в 70-е годы многие СПТУ преобразуются в средние и выпускают работников широкого профиля.

Такие специалисты свободно владели штурвалом трактора и комбайна, разбирались в устройстве доильных установок и механизмов, приводящих их в движение.

В целях планомерного обеспечения сельского хозяйства механизаторами и другими квалифицированными работниками не только по

количеству, но и по преимущественно требующимся специальностям Госкомитет по профтехобразованию совместно с Минсельхозом РСФСР, начиная с 1977 г., установили местным органам сельского хозяйства и профтехобразования задания на подготовку по 10 наиболее дефицитным специальностям в СПТУ [1, с. 51].

Вопросы подготовки кадров и направления их на учебу систематически рассматривались в парторганизациях, трудовых коллективах совхозов.

В РСФСР среднегодовой выпуск квалифицированных рабочих учебными заведениями сельского хозяйства увеличился с 220,5 тыс. в 1966–1970 гг. до 357,7 тыс. человек [2, с. 12].

Наряду с СПТУ другой важнейшей формы подготовки квалифицированных кадров в 60-е – 80-е годы становится механизаторский всеобуч, включавший различные школы, кружки и курсы обучения с отрывом от производства. По уровню подготовки кадров они уступали училищам, однако имели и свои положительные стороны: позволяли в короткий срок восполнить дефицит кадров по определенным профессиям, способствовали лучшей закрепляемости кадров в хозяйствах [1, с. 51].

Райком КПСС совместно с районным управлением сельского хозяйства принял меры по обобщению и распространению передовых методов работы с кадрами в этом и некоторых других хозяйствах, организовав к 1968 г. во всех хозяйствах района производственную учебу рабочих, которая включала в себя и меры по повышению их квалификации. В короткий срок были созданы и начали функционировать 6 четырехмесячных курсов трактористов, 43 агрономических и 35 зоотехнических кружков, 8 групп по повышению квалификации трактористов. В общей сложности производственной учебой в них было охвачено 2024 работников массовых профессий [3, с. 168].

Широкое распространение в Поволжском регионе получила подготовка квалифицированных рабочих кадров через систему учебных комбинатов, которые создавались на основе слияния вечерних общеобразовательных

школ с курсами механизаторского всеобуча.

В 1975 г. коллегия Министерства сельского хозяйства СССР, обобщив и одоблив опыт организации учебно-курсовых комбинатов в Саратовской области, рекомендовала его для широкого применения в других регионах. При этом отмечалось, что данная форма обучения рабочих позволяет более эффективно использовать средства на подготовку кадров, проводить занятия по единым учебным планам и программам, сократить сроки отрыва обучающихся от производства, оперативно осуществлять контроль за ходом курсовой подготовки [4, с. 77]. К концу 70-х годов система механизаторского всеобуча по численности выпускаемых кадров становится определяющей формой подготовки квалифицированных работников для сельского хозяйства.

За счет механизаторского всеобуча осуществлялось в основном и повышение квалификации кадров. Только в 1966–1970 гг. в совхозах РСФСР прошли переподготовку в агро- и зоотехнических школах около двух миллионов рабочих или 75 % их общей численности [5, с. 78].. Большое распространение получило обучение в школах механизаторского всеобуча кадров рабочих для получения второй профессии. Необходимость этого была обусловлена, прежде всего, расширением перечня профессий и специальностей в сельском хозяйстве.

Несмотря на значительные сдвиги в работе по расширению подготовки квалифицированных кадров массовых профессий положение с обеспеченностью ими хозяйств, как в отдельных регионах, так и в целом по республике, на протяжении всего изучаемого периода оставалось неудовлетворительным.

К середине 1970-х годов практика работы с кадрами стала обретать более планомерный характер. В 1976 г. Министерством сельского хозяйства страны были изданы должностные инструкции, регламентирующие труд специалистов, определяющие их положение, обязанности, что позволяло использовать работников более эффективно.

В 1981 г. были утверждены квалификационные характеристики по всем сельскохозяйственным специальностям для прогнозирования и планирования потребности в кадрах требуемой специализации.

Библиографический список

1. Ножкина И. А., Шалаева С. С. Проблемы кадрового обеспечения АПК на современном этапе / Актуальные проблемы современного гуманитарного знания. – Саратов, – 2011. С. 50-53.
2. Романченко В.Я., Шмыгина О.Н., Ножкина И.А. Кадры сельского хозяйства: опыт обучения, воспитания и производственной адаптации. – Саратов, –2014. – 111 с.
3. Рубцова В.Н., Шарикова И.В., Шариков А.В., Фефелова Н.П. Территориальный аспект стратегического управления социальными факторами конкурентоспособности населения сельских муниципальных районов // Економічний часопис-XXI (Economic Annals-XXI), – №7-8(2), 2015. – С. 61-64.
4. Савельев С. И., Ножкина И. А., Федосеева В. И. Концептуальные и институциональные вопросы кадрового обеспечения АПК в современных условиях. / Актуальные проблемы современного гуманитарного знания. – Саратов. – 2008. – С. 164-170.
5. Шарикова И.В., Шариков А.В., Лысова Т.А. Трудовые ресурсы аграрных предприятий: проблемы, тенденции (на примере Саратовской области) / Роль национальных общественных и глобальных институтов в развитии агропромышленного комплекса России и за рубежом: Материалы международной научно-практической конференции. – 2015. – С. 297-302.
6. Шарикова И.В., Шариков А.В., Лысова Т.А. Международные образовательные стандарты подготовки профессиональных бухгалтеров / Прикладные экономические исследования: сборник статей. – Саратов, – 2014. – с. 201-206.
7. Шмыгина О.Н. Опыт решения проблемы закрепления кадров на селе в

1960 - 1980-е годы // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2013. – № 1. – С. 75-77.

8. Шмыгина О.Н. Развитие высшего сельскохозяйственного образования и вузовской аграрной науки в 1965-1985 гг. (на материалах Саратовской и Волгоградской областей) / диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Саратов, – 2013.

Секция 3. Текст как речевое произведение

УДК 81:372.881

Громова В.И. Мини-сага как жанр творческой работы (попытка гендерного анализа)

A mini-saga as a genre of creative work (an attempt at gender analysis)

Громова Виктория Ивановна

Саратовский областной институт развития образования, г. Саратов

grom-07@mail.ru

Gromova Victoria Ivanovna

The Saratov oblast Institute of education development, Saratov

Аннотация. В предлагаемой статье идет речь о мини-саге как одном из возможных вариантов школьного сочинения. Автор пытается провести гендерные различия в мировосприятии старшеклассников.

Ключевые слова. Мини-сага, цветовые ассоциации, гендерные различия.

Abstract. In the article it is a mini-Saga as one of the possible options for school essays. The author tries to conduct a gender differences in the worldview of high school students.

Keywords. Mini-Saga, color associations, gender differences.

Развитие умения создавать собственный текст – пожалуй, одно из главных требований к выпускнику современной школы. Более того, «умение осознанно использовать речевые средства в соответствии с задачей коммуникации для выражения своих чувств, мыслей и потребностей» [Приказ...] является основным метапредметным результатом обучения,

обозначенным в федеральном государственном образовательном стандарте.

Способов формирования творческих способностей обучающихся существует великое множество. Традиционны в практике учителя-словесника такие жанры сочинений, как: сочинение-рассуждение, сочинение-описание, сочинение-повествование, сочинение по картине и пр. Часто используются и нетрадиционные жанры: эссе, сказки, рассказы, басни, письма, очерки и т.д. Не так давно в арсенале филологов появились и такие инновационные жанры, как сочинение-монофон, сочинение-кеннинг, сочинение-сага, сочинение-метаморфоза, сочинение-нарратив, сочинение-фанфик, сочинение-сиквел, сочинение-приквел, сочинение-мидквел, сочинение-римейк/ремейк, сочинение-ремикс, сочинение-экфрасис, сочинение-скетч, сочинение-различение (стилизация), сочинение-развлечение (лингвистические миниатюры, подражания и т. д.) [Мельникова].

В данной статье мы хотели бы подробнее остановиться на мини-саге, на ее жанровых особенностях и опыте ее апробации. Необходимость введения в практику учителя этого жанра обусловлена тем, что «современному школьному сочинению зачастую навязывают форму predetermined литературоведческого клише, а возможность отразить в нем собственную систему ценностей, мысли которые созданы личностью самого ученика, порой отсутствует. Необходимы инструменты для преодоления штампов и разрыва шаблонов «стандартного письменного высказывания», средства развития гармоничной, полной эмоций и личного отношения монологической речи» [Илюшин, с. 114].

Гипотеза нашей работы заключается в следующем: 1) восприятие мира юношами и девушками различно, 2) независимо от возраста мини-сага вызывает неподдельный интерес, развивает воображение и раскрывает натуру человека.

Мини-сага – это сочинение, которое состоит не более чем из 50 слов. При этом у него должны быть начало, середина и конец. Кроме того, данное

сочинение должно отличаться острым сюжетом.

Подобный вид сочинения был апробирован нами во время проведения творческого тура III Общероссийской олимпиады по русскому языку учащихся 5-11 классов «Белая береза» - <http://www.openclass.ru/node/482399>.

Обучающимся были предложены следующие тематические направления: для учеников 5-7 классов – «Лучший друг», для 8-9 классов – «Зимний вечер», для 10-11 классов – «Розовое и черное».

Критериями оценивания мини-саги были взяты следующие показатели:

- Объём (не более и не менее 50 слов)
- Композиция и логика повествования
- Грамотность речи
- Самостоятельность мини-саги
- Соответствие предложенной теме
- Соответствие жанровым особенностям мини-саги
- Оригинальность

Сочинения были получены креативные и оригинальные. Однако отметим, что ряд требований не был выполнен. Прежде всего, не были соблюдены требования к объёму. Количество слов в сочинениях колебалось от 148 до 17. Это простое требование – объём в 50 слов – выполнили только 40% участников олимпиады.

На втором месте – ошибки на соответствие жанру мини-саги. В задании (<http://www.openclass.ru/node/490815>) было четко прописано, что мини-сага – это небольшой рассказ.

Напомним, что рассказ – это «малый эпический жанр: прозаическое произведение небольшого объема, в котором, как правило, изображаются одно или несколько событий жизни героя. Круг действующих лиц в рассказе ограничен, описываемое действие непродолжительно по времени» [Белокурова].

То есть, мини-сага должна соответствовать функциональному стилю

повествования. Однако 23% учащихся написали сочинения в виде рассуждения или описания либо описания с элементами рассуждения. Например: *Зима. Уже наступил вечер. Видите, вот идёт снег. Всё заснежено белым полотном. Как красиво! Неужели, кому-то не по душе зима? Кто не любит этих снеговиков, санок, снежков. Все деревья давно стоят голые, но их согревает белая зимняя шубка. Ёлки, по-прежнему, стоят зелёные. Любите зиму!*

В доказательство нашей гипотезы показалось особенно интересным представить вниманию широкой аудитории мини-саги, соответствующие тематическому направлению «Розовое и черное». Из 2791 человека, принимавшего участие во втором туре олимпиады, было только 282 старшеклассника, из них 70 юношей и 212 девушек.

Все цветовые ассоциации, вызванные предложенными словами, мы разделили на 3 блока: философские, материальные и эмоциональные.

Анализ ассоциаций показал, что примерно одинаково распределяются эти блоки у юношей и девушек: на первом месте – философские (выбор жизненного пути, восприятие жизни, любовь, счастье и др.), на втором – материальные (объекты живой природы), на третьем – эмоциональные (сверхъестественные и чувственные впечатления).

Гендерные различия начинаются при более детальном анализе вызванных предложенными лексемами ассоциаций.

Первое, что обращает внимание, - это то, что у девушек спектр ассоциаций намного шире и богаче, чем у юношей. Так, например, если у юношей чаще встречающиеся философские ассоциации – это выбор пути, восприятие жизни, любовь, мечты и реальность, то у девушек, кроме названных ассоциаций, частотны такие ассоциации, как смерть, одиночество, война, время. Можно сказать, что девушки-старшеклассницы шире и более открыто и реально смотрят на современную жизнь.

Сравним две мини-саги.

Мужской взгляд – представление полярных состояний человека: горя и

радости.

Популярная театральная постановка. Шоу, рождаящее радужные мечты. Хочется остановить мгновение.

Динамично сменяющиеся декорации, розовый свет софитов создают невероятную атмосферу праздника. Гости в восторге от спектакля.

Вдруг странный хлопок. Гробовая тишина опускается в зрительный зал. «Что случилось?» - слышится со стороны.

Чёрное горе сменяет радость. Это были самые страшные минуты в жизни людей... [Сохранена авторская пунктуация. – В.Г.]

Женский взгляд – сложные философские материи: любовь, смерть, власть.

Ты нашла меня серым. Сыном системы. Вошла в четыре стены моего одиночества бледным рассветом. Случайно разлив в меня розовую нежность, ушла, извинившись, как село солнце. Захлопнутое внутри сердце сумело ждать тебя очень долго. Не выдержав, я вздохом вынул дрожащий орган. Серым быть больше не получалось. Пусто... Теперь я черное ничего.

Следующее, что заставило обратить на себя наше внимание, - это то, что у юношей в эмоциональном поле находится только сверхъестественное.

В далекой стране жил добрый тролль. Однажды он решил исполнить мечту и первым увидеть восход солнца на вершине горы.

Для этого нужно пройти бесконечные, дремучие леса, где в лунные ночи от чёрного мрака захватывает дух. И вот искатель достиг вершины и застыл навсегда. Розовое светило превратило смельчака в чёрный камень.

Эмоциональную сферу девушек пронизывают всевозможные эмоции – от предательства до ненависти, мести и зависти.

Во времена суровых нравов наследник престола и простая служанка полюбили друг друга. Король, узнав о тайной страсти, приказал девушке уехать из столицы, а принцу жениться на знатной даме. За неповиновение – смерть и лишение наследства. Испугавшись наказания, наследник престола подчиняется, служанка же в муках умирает. Так, розовая мечта о счастье

погибает от черного предательства любви.

Причину эмоциональности женского пола можно объяснить тем, что «сильный пол обычно не склонен показывать свои слабые стороны, и стремится их скрыть, завуалировать, тем самым казаться более сильным» [Муллагаянова, с. 254].

Еще одно наблюдение касается приоритета философских ассоциаций у разных полов.

У юношей на первом месте находится выбор жизненного пути.

Выпускной вечер в школе. Яркие платья девушек и строгие костюмы юношей. Весь мир перед тобой. Самостоятельная жизнь. Весёлые компании, вечеринки в студенческом общежитии. «Попробуй! Слабо?!» Первая затяжка-блаженная эйфория. Вторая-ощущение превосходства над всем миром. Третья... Четвёртая... Пустота, нестерпимая боль. Мир сузился до вопросов «Где взять деньги?», «Где купить?» Конец!

У девушек преобладают ассоциации со словом «любовь».

Пять лет назад он сделал ей предложение. Но семейная жизнь была не такой прекрасной, как предполагалось. Как черная полоса жизни: скандалы, истерики, приступы ревности. Единственный выход – поговорить с ней.

Через год... Продавщица мило улыбнулась и спросила: «Какой цвет вам необходим?» «Розовый» - ответил он, светясь от счастья. У него родилась дочь.

Отметим, что если у юношей любовь контрастирует с разлукой и разочарованием, то у девушек она чаще диаметрально противоположна смерти, войне и предательству.

Мери была очаровательна. Розовая шляпка и платье чайной розы удивительно гармонировали с прекрасными голубыми глазами.

- Я вернусь, любимый, ты не успеешь даже соскучиться. Я приеду, и мы будем вместе всю жизнь.

Её фигурка еще долго выделялась среди пассажиров огромного

корабля. Джон окинул взглядом борта черного парохода, еще раз прочитал его название «Титаник» и направился к стоянке кэбов.

Еще один момент. Только у девушек розовый ассоциируется не только с любовью мужчины и женщины, но и с родительской любовью. Данный факт можно объяснить тем, что «во все времена женщина была хранительницей домашнего очага и уже в подростковом возрасте представительницы прекрасного пола задумываются о семье» [Кузнецов].

Рассвет. Лучи солнца пробиваются сквозь тьму. Она вспоминала ее, свою дочь, которая выросла. Они не виделись долго. Счастливые моменты остались в прошлом. Искренняя малышка в розовом платье превратилась в черствое, лживое существо. Искрящиеся глаза матери с годами померкли. Ее светлые надежды разбились о темное неблагодарное сердце дочери. Смысл жизни потерян.

Кроме того, только у девушек возникает ассоциация черного цвета с одиночеством.

В детстве все прекрасно. Пролетели годы детского сада, прозвенел первый школьный звонок. Все шло своим чередом: уроки, оценки. Но одноклассники не любили ее. И однажды она услышала: «Как же ты нам надоела, белая ворона!» А дальше пустота и крыша высоты. В одночасье розовое превратилось в черное, и молодая жизнь оборвалась.

Причину страха одиночества можно объяснить следующим образом: «Для женщины главное – стремление к достижению большей близости, стремление сохранить близкие отношения и избежать одиночества» [Минигалиева, с. 50].

Таким образом, поверхностный гендерный анализ доказал, что половые различия восприятия цветов существуют. У девушек богаче эмоциональный фон, сложнее осмысление окружающей действительности. Кроме того, у девушек на первом плане ассоциация розового и черного цветов с любовью, материнством и с войной, одиночеством, смертью, предательством и завистью, а у юношей – с выбором жизненного пути.

Первая часть нашей гипотезы подтверждена. На наш взгляд, неоспоримо и то, что мини-сага – это один из тех видов творческих работ, которые пробуждают воображение школьников и открывают доселе неизвестные кладовые в душе ребенка. Доказательством, думается, может стать мини-сага учителя, родившаяся в качестве рефлексии на проведение конкурса:

Работаю 10 лет в системе образования. Только сейчас у меня начала спадать пелена с глаз. Всем все равно. Дети у нас на втором или даже третьем месте после бумаг, отчетов.

Те, кто вот-вот отправится на пенсию, считают дни, чтобы «сидеть на репетиторстве». А таким, как я, – ни молодым, ни старым – некуда бежать. Грустно. Хочется плакать.

В заключение нужно сказать, что мини-сага – это тот жанр, который заставляет мыслить, а также формирует умение чувствовать и понимать окружающий мир.

В перспективе мы предполагаем апробировать и другие инновационные жанры творческих работ для исследования мировоззрения современных подростков.

Библиографический список

1. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов // [Электронный ресурс]. URL: <http://grammar.ru/LIT/?id=3.0&page=1&wrд=%D0%C0%D1%D1%CA%C0%С7&bukv=%D0> (дата обращения: 05.01.2016).
2. Илюшин Л.С., Азбель А.А. Эмоциональное монологическое высказывание (Storytelling) как ресурс подготовки школьников к сочинению // Сборник материалов научно-практической конференции «Сочинение на современном этапе развития системы образования в Российской Федерации» («Теория и практика преподавания русского языка и литературы в школе»).— «РОПРЯЛ», 2015. – С. 113-118.
3. Кузнецов Д.А. Гендерные различия в ценностных ориентациях старших

- школьников// [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/13_EISN_2013/Psihologia/12_135938.doc.htm (дата обращения: 05.01.2016).
4. Мельникова Л.В. Готовимся к олимпиаде: мини-словарь сочинений инновационных жанров// [Электронный ресурс]. URL: http://kabruss.blogspot.ru/2015/12/blog-post_68.html (дата обращения: 05.01.2016).
 5. Минигалиева М.Р. Гендерные проблемы взрослости: ценности, способы понимания себя и мира, модели общения // Психология зрелости и старения. - 2001. - №2. - С.42-61.
 6. Муллагаянова Г.С. Гендерный аспект экспликаций эмоций// Гендерная лингвистика. Коллективная монография / Отв. ред. Темиргазова З.К. – Павлодар, 2013. – 375 с.
 7. Приказ об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования// [Электронный ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/543> (дата обращения: 05.01.2016).

Секция 4. Философские, культурологические и социальные аспекты коммуникации

УДК 1(091)

Гуляев П.С. К вопросу о феномене русской культуры

On the issue of russian culture phenomenon

Гуляев Павел Степанович

канд. филос. наук,

доцент кафедры Декоративно-прикладного

искусства Московского государственного

института культуры

Московский Государственный Институт Культуры, г. Химки

gulyaevu@mail.ru

Gulyaev Pavel Stepanovich

cand. of Philos. Sc.,

Associate Professor of the Decorative-Applied Arts

Department of the Moscow State Institute of Culture

Moscow State Institute of Culture, Khimki

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды известного русского философа начала 20 века Ф.А. Степуна о русской культуре. Специфику русской культуры он раскрывал с помощью функций называемых: «лицо» (в связи с ландшафтом страны), «стиль» (история русского народа), «дух» (православие). Ф.А. Степун создал оригинальную, целостную модель интерпретации русской культуры. Методологические основы данной модели остаются актуальными и могут быть использованы для изучения различных национальных культур.

Ключевые слова: Ф.А. Степун, русская культура, модель культуры,

«лицо», «стиль», «дух» русской культуры.

Abstract. The article examines the views of a famous russian philosopher of the early 20th century F. A. Stepun about of russian culture. The specificity of russian culture, he showed through features called: «face» (due to the landscape of the country), «style» (history of the russian people), «spirit» (of orthodoxy). F. A. Stepun created an original, holistic model of interpretation of russian culture. The methodological foundation of this model remain relevant and can be used to study different national cultures.

Keywords: F. A. Stepun, russian culture, model of culture, «face», «style», «spirit» of russian culture.

Феномен культуры многогранен, что подтверждается большим числом определений. Перечислим лишь некоторые подходы. По мнению З.Фрейда, культура есть сумма достижений отличающих нашу жизнь от животного мира. Культура защищает человека от природы (приносит человеку пользу) и регулирует отношения между людьми (вводит запреты) [5, с. 293]. Для О. Шпенглер культура - это пласт горной породы, который точит вода, и разрушают вулканические явления, а образовавшиеся пустоты заполняются новыми составами, изменяющими ее внутреннюю структуру. Так и культура родная видоизменяется под влиянием культуры чужой. Идею единой линии развития человечества в рамках «природа-культура», он меняет на противопоставление «цивилизация - культура». Предсказывал исход борьбы культуры (духовного начала) с цивилизацией (утилитарно-материального, технологического состояния социума) как закат европейской цивилизации. «Цивилизация есть завершение. Она следует за культурой, как смерть за жизнью...» [6, с.42]. Н.А. Бердяев называл культуру «актом духовным», способным обеспечить «победу формы над материей» [2, с.707]. Отмечал отличия культуры и цивилизации: если цивилизация социально-коллективный процесс, то культура - индивидуальна; цивилизация подчинена социализации, культура связана преимущественно с творческим актом

человека. Ценности культуры, основаны на стремлении к духовному совершенству человека, находятся в вечном конфликте с ценностями материального потребления и комфорта цивилизации.

М.М. Бахтин вводит понятие «автономная причастность», когда явление культуры не возникает на пустом месте, а имеет дело с чем-то уже оцененным и упорядоченным, по отношению к которому оно и занимает свою ценностную позицию. «Внутренней территорией у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент, систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце отражаются в каждой капле ее. Каждый культурный акт живет на границах и отвлеченный от границ, теряет почву, становится пустым, заносчивым, выражается и умирает» [1, с.3]. С позиций семиотической интерпретации М.Ю. Лотмана, культура есть система информационных кодов, закрепляющих социальный опыт. Информационные коды представляют собой набор семиотических систем, транслирующих программы человеческой деятельности (традиции, образцы поведения, нормы и результаты деятельности, постоянное воспроизведение которых делает человека человеком). Культура передает от поколения к поколению наш социальный опыт [3, с.135-170].

Проведенный экскурс показывает, что общая характеристика феномена культуры достаточно представлена в культурологической и философской мысли. В тоже время, к сожалению, остаются малоизвестными рассуждения известного русского философа и культуролога начала 20-го века Федора Августовича Степуна (1884 — 1965 гг.) о специфике русской культуры. Для мыслителя, культура как система духовных ценностей являлась важным средством преодоления «метафизической инфляции» жизни, лечения «социальных болезней» (войн, революций) и формирования нового видения культуры.

По мнению Ф.А. Степуна, в основе жизни и творчества лежат индивидуальные и социальные переживания как трансцендентальная основа

бытия («энергичность наличного сознания»). Вне переживания было невозможно не только творчество, но и сама жизнь. Исходное положение его учения можно сформулировать так: «Пока живу — переживаю, если переживаю, значит, живу». Переживания всеобщи, многообразны, стремятся к целостности, обладают внутренним ритмом, бесконечной тенденцией, как к повышению, так и к понижению. Постоянными полюсами переживания являются жизнь и творчество. Жизнь — мистическая, иррациональная сфера, не делимая на объект и субъект. Творчество, в свою очередь, раздроблено на множество частей, наделено «монадологической структурой» и разделено на субъект и объект. Движение к полюсу жизни неизбежно ведет переживание к усилению мистического начала, устремленность к полюсу творчества раскалывает переживание на многие части, рождает творческое многоцветье материального и духовного миров. Жизнь представлялась философу недостижимой для творчества вершиной. Можно бесконечно стремиться к познанию жизни, но невозможно познать ее сущность до конца. Следовательно, если безгранична жизнь, то всегда безгранично и постигающее ее творчество.

Культура трактовалась Ф.А. Степуном, во-первых, как творческое переживание жизни, непрерывное взаимодействие человека с жизнью посредством творчества. Движущей силой человеческой души выступала раздвоенность его бытия и сознания. Человек несет в себе всю полноту возможностей («многодушие»), которое ему никогда в жизни не осилить. Реализованные возможности обозначались им термином «единодушие». Во-вторых, культура — это всегда и ответственное переживание жизни. Отказ человека от постоянной духовной работы над собой неизбежно ведет к деградации личности, порождает забвение нравственных и религиозных первооснов. Многие стараются избежать ответственности за себя, близких, свою страну, человечество в целом и делают вид, что не ощущают ее. Однако, ответственность, в конечном счете, настигает всех и каждого. С учетом сказанного он определял культуру как творческое и ответственное

переживание жизни.

Ф.А. Степун исследовал специфику русской культуры («лицо», «стиль», «дух»), обусловленную взаимосвязью природы и истории, душевными переживаниями русского народа, его мировосприятием многообразия жизни.

«Лицо» отечественной культуры, по мнению мыслителя, обусловлено метафизическим восприятием пространства. Русское пространство - ключ к пониманию сути русской культуры. Это обширная равнина, которая начинается в Европе и, переходя через Урал, тянется в Азию. «Именно здесь возникла русская культура, здесь она развивалась и отсюда она впоследствии правила завоеванными землями» [4, с.156]. Если западноевропейский ландшафт есть «полнота формы на теснейшем пространстве», то ландшафт русский представлял собой «бесконечность излучающая бесформенность». В его понимании, очевидно, что все, даже «расплывающийся вечерний туман», имеет форму, но застывшая форма есть лишь мертвая маска истины. Бесформенность - это форма не застывшая, а находящаяся в постоянном движении, непрерывном изменении, отказывающаяся от успокоенности. Онтологическая связь между «духовным обликом культуры» и ландшафтом придает своеобразие национальным чертам характера. Для России это - огромные пространства, неверие в возможность их освоения, неурожайность почвы, вечная мерзлота, обилие болот и т. д. Все это способствовало удивительной легкости отказа русского человека от «всякой культурной и цивилизационной оформленности», длительная подготовка к пашне (медленное запрягание) и скорая посевная (быстрая езда) как черта русского национального характера, предпочтение материальным ценностям подлинного духа святости и веры. Русскому человеку правовые принципы кажутся чем-то бездушным, чуждыми справедливости. Центральной ценностью почитается мудрость сердца, поиск и воспитание божественного в человеческом, которая выше морали и закона. Склонность к милосердию, душевной теплоте, а по возможности

игнорированию норм гражданского права есть протест против формообразующих элементов, и формирует практически неразрешимое противоречие в душе и культуре русского человека [4, с.164-165].

«Стиль» русской культуры формировался, по мнению мыслителя, историческими катаклизмами и историческими традициями. За многовековую, драматическую, кровавую историю русской цивилизации в области культуры сложились две почти не связанные между собой культуры: дворянскую и народу. Дворянская культура была перенята русской господствующей элитой в виде западных образцов поведения, рассуждений и т.д. Несмотря на немалые достижения дворянской культуры в различных областях отечественной и мировой жизни, она воспринималась большей частью крестьянства как чужеродная, иностранная. Народная («мужицкая») культура основывалась на многовековых традициях русского и другого населения страны. В основном это была культура крестьянская. Особенность ее проявлялась в том, утверждал Ф.А.Степун, что «крестьянину так и не удалось получить в собственность землю, которую он обрабатывал». Даже освобождение от крепостничества (1861 г.) не сделало крестьянина хозяином земли. Большие массы освобожденных крестьян хозяйничали практически без денег, без поддержки государства, без образования (многие не умели ни читать, ни писать). Русская культура не играла объединяющей роли, и это стало одной из причин крушения Российской империи [4, с.158-159].

«Дух» русской культуры формировался под непосредственным влиянием религии и религиозных настроений, присущих народу. Настоящим воспитателем русского народа была православная церковь как «духовный организм». В Отечестве почитались герои (богатыри, витязи, полководцы), но еще больший авторитет принадлежал тихому святому, который, «забыв о своих собственных чувствах, живет только для того, чтобы быть тем окном, через которое Бог смотрит на людей, а они на Бога. Само собой разумеется, душа и дух святого имеют свою форму, но не собой сотворенную, а сверху дарованную. Если земля и народ были основаниями русской культуры, то ее

вершиной являлись православие и церковь, воспринимавшиеся как «правда» [4, с.156-157].

Таким образом, представления о феномене культуры можно дополнить следующими обобщениями, относительно специфики русской культуры: во-первых, философское учение Ф.А. Степуна о русской культуре было обращено к переживаниям светских и религиозных ценностей в жизни человека и общества, поиску методологии способной обеспечить культурологическое обновление социальных реалий.

Во-вторых, культура воспринималась как творческое и ответственное переживание жизни. «Лицо» русской культуры, по мнению философа, определялось неповторимыми пейзажами и особенно равнинным ландшафтом страны; «стиль» русской культуры обуславливался многообразными проявлениями исторически сложившихся традиций, особенностями отечественной истории страны; «дух» русской культуры формировался под мощным воздействием идей православия, пасторской деятельности православной церкви, религиозных настроений присущих народу.

В-третьих, человек будущей России («новоградский человек») в представлении Ф.А. Степуна должен быть добродетельным христианином - личностью целостной, творческой, свободной; демократом в подлинном смысле слова, а не демократом-мещанином, выступающим за демократические ценности до тех пор, пока они не противоречат его собственным интересам. И тогда о русской культуре можно будет сказать, что «свеча ее не таяла и пламя ее не меркло». Не вызывает сомнения, что предложенные Ф.А. Степуном культурологические и философские взгляды не утратили своей значимости и в наше время.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Искусство и ответственность. Литературно-критические статьи.-М.: Искусство, 1986. - 543 с.

2. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. -Париж: YMCA -Press, 1939. - 290 с.
3. Лотман М.Ю. Беседы о русской культуре. -М.: Лабиринт, 2012.- 674 с.
4. Степун Ф.А. Дух, лицо и стиль русской культуры // Вопросы философии. № 1. 1997. С. 154-165.
5. Фрейд З. Неудовлетворенность культурой. Избранное. - М.: Московский рабочий, 1969. С. 280-295.
6. Шпенглер О. Закат Европы. Т.2. Судьба искусства и культуры в западноевропейской мысли 20в.-М.: Мысль, 1998. - 606 с.

УДК 323.1

Нурканов А.А. Становление системной этнополитики республики Казахстан

Нурканов Алмас Аманжолович

Международная образовательная корпорация, г.Алматы

alia_zhakup@mail.ru

Nurkanov Almas Amanzholovich

International Educational Corporation, Almaty

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы государственной этнополитики в процессе формирования гражданского единства и тенденции в развитии национальной и гражданской идентичности в условиях демократизации общественной жизни.

Ключевые слова: этнополитика, национальное самосознание, казахстанское общество, национальная идентичность, патриотизм.

Abstract. The issues of state ethnic policy in the process of formation of civil unity and trends in the development of national and civic identity in the conditions of democratization of public life are considered in this article.

Keywords: ethnic policy, national identity, the Kazakh community, national identity, patriotism.

В полиэтническом современном казахстанском обществе актуальной и фундаментальной проблемой является разработка научной стратегии и тактики формирования системной этнополитики нашего независимого суверенного государства — Республики Казахстан. Ибо имеющий фундаментальный и многосторонний характер межэтнический вопрос пронизывает все сферы общественной жизни: политику, экономику, социально-духовную и нравственность, что и определяет и актуальность, и сложность, и противоречивость данной проблемы.

Конец XX века характеризуется закономерным процессом национального (этнического) возрождения во всем мире и, как следствие, осложнением этнической ситуации, по остроте и значимости относящиеся к разряду глобальных проблем войны и мира, экологического и энергетического кризиса. Противоречия проявляются прежде всего в государствах с полиэтническим составом населения. Но проявление противоречий не есть неизбежность. Этнические отношения можно урегулировать, но не силой, как старались прежде, а на основе культуры межнационального (межэтнического) общения, взаимопонимания и взаимоподдержки.

Если следовать идее пассионарности, то у каждого народа есть своя собственная эволюция, народ рождается, развивается, исчезает. Идея Л.Гумилева позволяет сделать вывод о том, что каждый отдельно взятый этнос в своем эволюционном развитии имеет особенность, присущую только ему. Каждый народ проходит в своей истории периоды от мифологии к монотеизму. Религия как форма общественного сознания тоже отражает социально-экономическую и духовную жизнь людей, то есть верования народа выступает как показатель его духовности и культуры. Но это не

отрицает идеи «мировой гармонии» Р.Тагора и Д.Неру и их последователей, так как идеи единства служит основанием интеграционных процессов не только в Индии, а любом полиэтническом обществе.

Связь патриотизма и интернационализмом более конкретно проявляется на личностном уровне. Человек с истинным патриотическим сознанием в большей степени подготовлен к выработке правильных интернациональной ориентации. То есть патриотические ценности различаются в зависимости от типа и уровня патриотизма: средних есть и такие, которые не являются одновременно интернациональными. Так истории известно, что в качестве патриотической ценности рассматривалась церковь, хотя однозначно трудно отрицать роль религии в процессе консолидации нации.

Поэтому полиэтническая Республика Казахстан со дня провозглашения своей независимости определила для себя первоочередной задачей осмысление опыта прошлого и выработку новой концепции этнополитики, в основу которой заложены принципы гуманизма, равноправие людей разных национальностей, культуры межнационального общения и согласия, уважительное отношение к этническим интересам, особенностям, языку других наций и этнических групп. Расширение и углубление межэтнических связей, обмен национальными ценностями, укрепление взаимопонимания, взаимодоверия, дружбы и не допущение ущемления людей по национальному, религиозному, родоплеменному, расовому признаку, которые вытекают из главной цели суверенного Казахстана — формирования его народа как единой гражданской и интернационально-политической общности.

Известно, что существуют три подхода к решению национального (этнического) вопроса. Суть первого заключается в «выдавливании» иноэтнических элементов, непременно приводящее к взрыву. Второй — игнорирование проблемы, но он лишь консервирует ее на неопределенный срок. Для Казахстана неприемлемы ни тот, ни другой подходы. Остается

только третий путь: поиск точек соприкосновения между этносами, расширение компромиссов, достижение взаимопонимания. Но при этом лучше всего искать не то, что нас якобы разделяет, ибо нет ничего такого существенного, что мешало бы нам, казахстанцам, представителям всех национальностей, мирно и дружно строить наш общий дом, а находить то общее, что делает нас соотечественниками, согражданами, уважающими друг друга и вместе работающими на благо суверенного, демократического правового Казахстана. Однако путь к этому лежит через формирование этнополитической общности казахстанцев.

В процессе формирования этнополитической общности казахстанцев огромную роль играет национальное самосознание. Наряду с другими признаками нации его следует признать как необходимый элемент существования нации. Она определяется многими факторами, но, в первую очередь, уровнем экономического, социально-политического и духовного уровня развития общества.

Формирование и рост национального самосознания - явление объективное и прогрессивное. Оно не терпит субъективного вмешательства, попытки искусственной задержки или преднамеренной переориентации. Национальное самосознание развивается путем усвоения и сохранения всего ценного накопленного народом и обогащения вновь приобретенными ценностями, то есть никогда никакая этническая общность не развивается лишь в своей скорлупе. Процесс этот постоянный. Следовательно, только такой диалектически путь развития этнических отношений характеризует современное состояние и основной признак формирования и развития этнополитической общности казахстанцев.

Изучены проблемы роли государства в процессе формирования этнополитической общности. На базе Конституции и Законов Республики Казахстан в области регулирования межэтнических отношений отмечено, что гражданская идентификация совпадает с самооценками граждан себя как части независимого единого народа, обладающего всеми основными

признаками суверенитета, что гражданское единство является платформой внутривластной стабильности страны.

Стратегические программы государства определяют параметры развития политической культуры, необходимые для создания демократического общества и правового государства в суверенном Казахстане. В этой связи особое место занимают вопросы достижения казахстанцами высокого уровня профессионализма в руководстве общественными и межэтническими отношениями и прежде всего политической культуры, так как они не только вторичные факторы социального развития, но и самодостаточны настолько, что максима «культура спасет мир» не кажется наивной.

Важнейшую задачу в сфере межнациональных (межэтнических) отношений составляет четкое и ясное определение принципов национальной политики и осуществление их в жизнь. В этом отношении наша республика имеет большой опыт как в теоретическом, так и в практическом плане. «Принципами национальной политики называют основополагающие ценностные идеи, - отмечает Р.Абдулатипов, - которые в отличие от общих деклараций, могут быть проведены на всех уровнях формирования и осуществления политики с точки зрения взаимодействия и сотрудничества различных народов со всеми специфическими интересами в составе единого государства» [1, с.1], которые образуют исходный минимум ценных идей и установок, на базе чего можно провести согласование интересов отдельных групп и целой общности.

В связи с этим определены принципы новой системной этнополитики Республики Казахстан, к числу которых относятся толерантность, равенство этносов, казахстанский патриотизм при интегрирующей роли казахской нации — плюрализм, свобода, права человека, гуманизм, интернационализм, демократия, целостность, которые образуют систему принципов государственной этнополитики и на базе которых формируется этнополитическая общность казахстанцев. Все эти

принципы находят свое отражение в содержании нашего исследования.

В процессе формирования этнополитической общности казахстанцев — народа Казахстана важное место занимает учет интересов каждой этнической общности. Конституция Республики Казахстан гарантирует не только права и свободу отдельного человека, но и в целом интересы нации и этнических групп. Но сложная структура и многообразие форм проявления этнических интересов в области экономики, культуры и духовной жизни требуют особого внимания, хотя многие общие интересы в едином этнополитическом обществе совпадают. Поэтому как всегда необходим учет специфических особенностей.

Этнический интерес выступает в многообразной форме: в форме этнических чаяний, желаний, целей, идей, побуждений и стремлений. Так, в национальной идее синтезируются коренные интересы этноса. Ныне все формы интереса наций, этносов должны по своей сути иметь одно объективное содержание — построение демократического, правового государства в Республике Казахстан, ибо истинные интересы этноса всегда свободны от корыстных, узкоэгоистических устремлений и стало быть способствуют социальному прогрессу — достижению намеченной цели.

Поэтому обосновывается необходимость учета этнических интересов на современном этапе исторического развития. При этом однако целесообразно делать ставку не на подчинение одних интересов другим, а на их согласование. Но оно должно отражать конкретные условия формирования гражданского общества и демократического государства.

Следовательно, определить степень стабильности и перспективы развития полиэтничного и поликонфессионального общества трудно объективно оценить без постоянного учета специфики этнических групп. Односторонний подход может привести к тем же результатам, которые имели место в советский период межэтнических отношений.

Серьезным фактором, способствующим ускорению процесса формирования этнополитической общности казахстанцев несомненно служит

язык, ибо он правомерно признан главным хранителем национальной (этнической) культуры. Язык — средство коммуникативного общения поколений в пространстве и во времени, отражает в себе историю межэтнических взаимоотношений и в переломные исторические периоды выступает как символ этнического самосознания. Он составляет прочную связь, соединяющую прошлое, настоящее и будущее этноса в одно историческое живое, целое. Однако при разработке национальной политики в полиэтническом государстве в области языков не следует отрицать тот факт, что часть одного этноса, отделившаяся от своей этнической среды, живущая в ином полиэтническом окружении переходит на язык новой языковой среды и для этой части этнический язык не может выступать в качестве этнического признака. Но это в целом не является отрицанием этноинтегрирующей и этнодифференцирующей роли языка. В каждой полиэтнической стране социальные функции языков определяются в основном Законом — Конституции, в языковой политике государства.

Современная национально-языковая политика в нашей стране исходит из того, что государственным языком является язык титульной нации - казахский. Но политика нашего государства базируется на принципе поддержки национальной самобытности всех народов Казахстана. Такой подход к языковой проблеме характеризует последовательно проводимую политику культурного плюрализма в Казахстане.

Достижению культуры межнационального (межэтнического) общения в полиэтническом суверенном государстве — Республике Казахстан — способствует научно-обоснованная языковая политика, соответствующая потребностям населения страны и учитывающая особенности экономических, социальных, культурных ее возможностей дальнейшего развития, так как в любом полиэтническом, полиязычном государстве оптимальная модель функционального развития языков зависит от степени их распространенности и числа носителей. Поэтому создание языкового пространства в государстве требует четкого определения функционального

соотношения языков, при котором государственный язык должен занять свое достойное место.

Процесс подъема национального самосознания, стремление к развитию национальной культуры, языка — явление исторически необходимое. Однако, при этом не следует отрицать национальной культуры и языка, формированию элементов общечеловеческой культуры служит взаимообогащение и взаимодействие, способствующие правильно осознать те духовные и нравственные принципы, без которых трудно само общественное развитие. Поэтому, как особо подчеркнуто в основном законе республики, что высшей ценностью государство признает человека, его жизнь, его деятельность в интересах гражданина и общества. То есть в процессе формирования этнополитической общности казахстанцев важное место должны занимать вопросы эмансипации национального (этнического) чувства — освобождение отдельного человека от зависимости предрассудков, ибо чувство, подчиненное чужой воле теряет свое истинное первоначальное назначение — служение идеям национального (этнического) развития.

Человек с развитым патриотическим сознанием с наибольшей степени подготовлен к выработке правильных интернационалистических ориентации. В патриотической гордости у такого человека уже имеются интернационалистические ценности. Поэтому если исходить из того, мало в мире моноэтнических государств, то не только в теоретическом, но и в практическом плане наличие в отдельной личности интернационалистических ценностей имеет огромное значение в политике межнациональных отношений. Однако, патриотизм может быть диалектически связан с интернационализмом только на мировоззренческом уровне.

В основе истинного патриотизма всегда лежали идеи единения, ибо не бывает национального без интернационального, так же как интернационального без национального. Следовательно, «чистых» и

«замкнутых» не бывает национальных общностей. В этой связи интернациональное выступает как синтез национальных опытов, то есть каждый этнос, народ (большой или малый), каждый отдельный человек одновременно (независимо сознает он это или нет) является носителем национального и интернационального.

Казахстанские этнические группы в процессе формирования этнополитической общности казахстанцев не только не утрачивают возможности развития национальных ценности, но и получают широкие возможности их развития, так как в условиях демократизации общества, освобождение от старых форм национальной жизни, прежде всего патриотизма националистического типа, свойственного тоталитарному строю, расширяет возможности приобщения к широким формам культуры и быта мировых стандартов.

С этой формой тесно связано чувство национальной (этнической) гордости. Патриотизм как одно из наиболее глубоких чувств играет важную роль в процессе формирования этнополитической общности казахстанцев, но не изолированно, а в диалектическом единстве с принципами подлинного (не классового содержания) интернационализма. Поэтому формирование общеказахстанского патриотизма означает проявление культуры межнационального общения и согласия. Такое патриотическое чувство, содержание которого соответствует сути нового понятия «мы, народ Казахстана», «мы, казахстанцы» не только в территориальном, но и в гражданском и политическом плане.

Библиографический список

1. Абдулатипов Р.Г. Принципы национальной политики (вариант для Российской Федерации). М., «Известия», 1994 г.
2. 107. Конституция Республики Казахстан. Алматы «Казахстан», 1995.
3. Концепция языковой политики Республики Казахстан. «Мысль», 1997 г., № 3.

4. Сапаргалиев Г.С. Конституционное право Республики Казахстан Алматы, 1998.

УДК 130.31

Смирнов С.В. Роль информационных процессов в трансформации экзистенциальных качеств современного человека

The role of information processes in transformation existential qualities of the modern man

Смирнов Сергей Владимирович

Елабужский институт

Казанского (Приволжского) федерального университета

Smirnov Sergey Vladimirovich

Elabuzhsky Institute

Kazan (Volga) Federal University

E-mail: sunstability@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы трансформации духовно-нравственных и социальных качеств современного человека, обусловленные информатизацией современного общества и связанными с ней явлениями ускорения темпов научно-технического прогресса. Отмечается взаимосвязь между процессами роста объема создаваемой в обществе информации и деградацией духовного мира и ценностных основ человеческого существования. Рассматривая в качестве предпосылки наблюдаемых трансформаций снижение способности человека к рациональному восприятию информации, автор полагает, что в условиях современного общества, одной из важных задач становится необходимость преодоления явлений отчуждения человека от общества и самого себя. Возможность этого видится им в необходимости сепарации,

воспринимаемой человеком информации, в формировании представлений о жизни и деятельности как процессах, основанных на единстве материальных и духовно-нравственных потребностей, реализуемых в процессе социально-коммуникативной деятельности.

Abstract. The article deals with the problem of changing the spiritual and moral and social qualities of modern man due to the computerization of the modern society and related phenomena accelerate the pace of scientific and technological progress. The link between the processes of growth in the volume produced in the information society and the degradation of the spiritual world and valuable foundations of human existence. Considering as a prerequisite for the observed decrease in the ability of human transformation of the rational perception of the information, the author believes that in today's society, one important task is the need to overcome the effects of man's alienation from society and himself. The possibility that he sees the necessity of separation, human readable information, forming ideas about the life and activity as a process based on the unity of the material and the spiritual and moral needs to be implemented in the process of pro-social and communicative activities.

Ключевые слова: информатизация общества, научно-технический прогресс, человек-коммутатор, жизнь,

Keywords: informatization of society, scientific and technical progress, man-switch, life.

Сегодня, в условиях роста темпов информатизации общества, человечество сталкивается с целым рядом проблем, постановка которых, свидетельствует о кризисе того образа жизни, мышления и деятельности, которые, на заре информационной эпохи, характеризовали человека как деятельностное, активное существо, способное к рациональному преобразованию окружающего мира.

Переход к постиндустриальному этапу цивилизационного развития, наметившийся уже в середине XX века в ряде наиболее развитых

европейских государств, США и Японии привел к резкому росту темпов научно-технического прогресса, поставив, тем самым, человечество, перед необходимостью выработки механизмов адаптации к масштабным изменениям бытовых условий своего существования, форм духовно-культурной деятельности и межличностной коммуникации.

Проблема ускорения научно-технического прогресса рассматривалась в трудах ряда отечественных и зарубежных мыслителей, таких как И.В. Бесстужев-Лада, С. Лем, Э. Тоффлер, Э. Фромм, Г. Маркузе, Д. Бэлл, З. Бжезинский и других. Данные авторы характеризуют изменения в науке и технике как предпосылку становления «альтернативной», природосберегающей цивилизации [1]; как угрозу человеческой телесности, пугающую перспективой подмены человеческого разума искусственным интеллектом [2]; как трагедию деградации человеческих отношений, их редукции к формам функционального взаимодействия [3]. И т.д.

В данной статье, рассматривается проблема трансформации экзистенциальной сущности человека, связанная, с инверсией целей и смыслов его жизни, с упрощением форм межличностной коммуникации, с изменением морально-нравственных приоритетов индивидуального и общественного бытия, обусловленных, ростом информатизации общества и ускорением темпов научно-технического развития, имеющим место в начале XXI века.

Охарактеризуем поставленную проблему более подробно.

Середина XX века. Заря информационной эпохи. Американские экономисты К.П. Сноу и У. Беннис обращают внимание на возросшую скорость социальных изменений. «До нашего столетия оно было таким медленным, что проходило незамеченным за период жизни одного человека. Сейчас это не так. Скорость перемен возросла настолько, что наше воображение за ним не поспевает». «Никакое преувеличение, никакая гипербола, никакое грубое приближение не может реалистично

описать степень и скорость изменения... В действительности только преувеличение оказывается верным» [5, с. 35].

Увеличение темпов социальных изменений, связанных, с наступлением «третьей волны» (Э. Тоффлер) развития цивилизации – информационного общества, обусловлено резким ростом развития информационных технологий, приведших к увеличению объема знаний, циркулирующих в обществе, и одновременно, к падению способности человека этот объем знаний перерабатывать и использовать в целях адаптации к меняющейся социальной среде. Действительно, если раньше, в век индустриализма, процесс создания и передачи информации был ограничен техническими параметрами коммуникационных устройств и человек этически и психологически мог адаптироваться к медленно изменяющейся социальной обстановке, то сегодня, в эпоху мультимедиа, объем информации и скорость ее передачи возросли настолько, что человек не просто потерял способность к этим изменениям приспособляться, он перестал их осознавать.

Информационные потоки, ежедневно обрушивающиеся на человека, приводят к снижению толерантности восприятия информации, к развитию феномена информационной астении – ситуации, в которой индивид утрачивает способность их воспринимать и осознавать. Современный человек превращается в гносеологического «робинзона», выброшенного бурным потоком информации в столь знакомый и одновременно столь чуждый ему мир людей и знаний.

Между тем, степень комфортности существования человека в насыщенном информацией мире, его социальный статус и психоэмоциональное состояние, во многом зависят от способностей и умений индивида ее сознательно конструировать, транслировать и усваивать. И здесь возникает острое противоречие, конфликт, между необходимостью более полного усвоения огромного количества информации и физической невозможностью человеком это осуществить.

В этих условиях индивид превращается из Человека в некое коммутирующее устройство, единственно важная функция которого, состоит в трансляции создаваемой (или усваиваемой) им информации. Ценность этого устройства становится эквивалентной лишь объему знаний, которое Оно может усвоить и передать, а среди его качеств, единственно важными становятся качества, отражающие технические параметры всякого коммутирующего устройства: долговечность, универсальность, эстетичность, эргономичность и т.д.

Межличностные и общественные связи «человека-коммутатора» превращаются в отношения трансляции. Потребности и интересы, духовный мир, индивидуальность, становятся лишь его экстерьером. Данные качества не интересуют другого индивида, для которого важны информационных характеристики коммутирующего объекта (скорость, объем, доступность информации и т.д.). «Сознательно или неосознанно – писал еще в 60-х годах XX века Э.Тоффлер – но мы строим свои отношения с другими людьми по функциональному принципу. <...> Мы не воспринимаем человека в целом, а включаемся, как вилка в розетку, в один из модулей его личности» [5, с. 113].

Функциональный характер восприятия личности приводит к тому, что человек, осознавая это, начинает «уходить» из мира людей в мир их образов. Эти образы хоть и имеют реальные очертания и отличаются внешне, но их внутренняя, человеческая суть единообразна. Информация, независимо от источника ее передачи, остается лишь информацией.

В этих условиях, жизнь человека, некогда наполненная удивительными событиями, переживание которых формировало цель и смысл жизни (размеренность и неторопливый ход времени каждое событие делают незабываемым), стала монотонной и ничем не примечательной (постоянная смена событий способствует снижению толерантности их восприятия). Если раньше, в условиях размеренности

и неторопливости хода событий человек пытался осмыслить жизнь в категориях личностного отношения к ней, то сегодня, в условиях ускорения темпов социальных изменений, у него нет на это времени. О жизни он судит, основываясь на общественных стереотипах, формируемых средствами массовой информации и формами межличностного общения.

Жизнь-ради-жизни превращается в жизнь-смену-кадров. Постоянное увеличение объема информации, которую необходимо хоть как-то воспринять и рационально осмыслить приводит к ощущению непостоянства, скоротечности. Мгновенное устаревание вещей и событий создает ощущение одноразовости жизни, ее сиюминутности. Как следствие, утрачивается необходимость поддержания устойчивых социальных и межличностных связей. Отношения длительности заменяются отношениями сиюминутности. Эти отношения становятся все более поверхностными и осуществляются по принципу: «ты мне, я тебе и никто никому ничем не обязан». Это приводит к разочарованию в моральных императивах межличностного взаимодействия, к осознанию бессмысленности создания и поддержания социальных связей. «Дружба, таким образом, девальвируется от полноты эмоционально-духовного взаимодействия, к формам потребительского контакта. Отсутствие эмоциональной связи с людьми приводит к социальному отчуждению, к распространению эпидемии одиночества» [4, с. 134].

Осознание одноразовости приводит к кризису ценностей. Теряется ощущение фундаментальности принципов Человеческого бытия. Этические максимы начинают рассматриваться как имеющие абстрактный, несущественный, преходящий характер. Отсюда – рост девиаций, возведение отклоняющихся форм поведения в статус общественных норм.

Общество, каждый из нас, таким образом, существует в ситуации внутреннего конфликта связанного с несовпадением мира реального и

мира долженствующего. Способы «снятия» этого противоречия известны – уход в мистицизм, погружение в сонм наркотических и алкогольных грез и мечтаний... И тот и другой способы «вырывают» человека из мира жестокой обыденности позволяя ему конструировать свой собственный мир, «снимать» накапливающийся груз социальной индифферентности. В тоже же время постоянное обращение к эфемерной реальности приводит к тому, что человек становится все более неприспособленным к эмпирическому существованию, превращаясь в объект манипулирования со стороны внешних, рационально-организованных сил (партий, общественных движений, политических и религиозных деятелей и т.д.).

Человек теряет способность управлять своим настоящим и влиять на свое будущее, которое начинает восприниматься им как все более страшное и непредсказуемое. Отсюда – рост апокалиптических и эсхатологических умонастроений, маниакальная боязнь «конца света».

Потеря ощущения постоянства, устойчивости, приводит к тому, что жизнь человека становится все более бессмысленной. Безразличие к окружающему сменяется безразличием к самому себе. Человек – пишет Э.Фромм – утрачивает чувство самоценности и уникальности, превращает себя в средство, инструмент для достижения каких-то внешних целей; ощущает себя вещью и относится к себе как к вещи, отчуждает от себя собственные силы и возможности [6, с. 282].

Решение проблемы отчуждения человека от общества и самого себя, необходимость возрождения его «самости» – одна из актуальных задач современности. Очевидно, полагать, что данная проблема может быть решена за счет устранения тех предпосылок, которые привели к ее постановке. И здесь, мы сталкиваемся с очередной проблемой: невозможностью ограничения роста объема создаваемой ныне информации. Информация сегодня выступает в качестве важнейшего критерия научно-технического прогресса. Попытка ее ограничения, в

условиях актуализации глобальных проблем (демографической, ресурсной, экологической и т.д.), приведет к регрессу общества, к его возврату в новое Средневековье. Но, в тоже время, некоторые направления деятельности, в плане решения рассматриваемой проблемы можно наметить. Первая, и, пожалуй, самая основная задача состоит в необходимости создания некоего информационного фильтра, позволяющего разделять информацию по принципу ее верифицированности, объективности, принадлежности к конкретной предметной области и т.д. Это позволит человеку ориентироваться в ее бесконечном многообразии, строить свою жизнь исходя из личных интересов и предпочтений, а не социальных клише и общественных предрассудков. Второе же направление связано с реанимацией Человеческих отношений. Мы должны понимать, что Жизнь должна проявляться в полноте своих духовно-нравственных и социально-коммуникативных аспектов. Психоэмоциональный комфорт человека зависит не только от его способности оперировать информацией необходимой для удовлетворения потребностей и интересов. Этот комфорт также зависит от умений человека выстраивать социальные контакты, интенсивность и характер которых, позволит ему ощутить свою «самость», свою принадлежность к обществу как к единому организму, части которого, выполняют социально значимую роль, не сводимую к функциям бездушного механизма.

Таким образом, развитие информационных процессов в современном обществе и обусловленное ими ускорение научно-технического прогресса, приводят не просто к кризису человеческих отношений. Следствием этого становится изменение экзистенциальной сущности человека. Превращаясь в коммутирующее устройство, индивид перестает функционировать как личность; он становится механизмом, которому чуждо все человеческое. Это кризис образа жизни, образа мышления и образа деятельности. Его преодоление – одна из главных

задач современности.

Библиографический список

1. Бесстужев-Лада, И.В. Альтернативная цивилизация. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1998. – 352 с.
2. Лем, С. Молох. – М.: АСТ: Транзит-Книга, 2005. – 781 с.
3. Маркузе, Г. Одномерный человек. – М.: Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 331 с.
4. Смирнов С.В. Проблемы информатизации: от человека, понимающего, к человеку, не воспринимающему // Человек в современных социально-философских концепциях: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Елабуга, 24-25 октября 2014 г.). – Елабуга, 2014. – С. 131-135.
5. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 557 с.
6. Фромм Э. Человек для самого себя. – М.: ООО «Издательство АСТ» 2008. – 350 с.

Секция 5. Литературный процесс и диалог культур

УДК 821.161

Икитян Л.Н. Провокативное вопрошание у Леонида Андреева (к вопросу о диалоговой традиции Сократа и Лукиана в творчестве писателя)

Provocative questioning In Leonid Andreyev (the question of socrates and lucian dialog tradition in the writer)

Икитян Людмила Нодариевна
кандидат филологических наук
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»

Ikityan Lyudmila
Ph.D. (Philology), Associate Professor «Crimean Federal University
V. I. Vernadsky»
e-mail: ludmilkatiran@mail.ru

Аннотация. Оценка художественного наследия Леонида Андреева с позиций различных областей гуманитарного знания открывает дополнительные научно-исследовательской возможности. Результат осмысления творческой мысли Андреева в литературно-философском ключе – данная статья, цель которой – обобщить наблюдения над таким общефилософским положением, как принцип познаваемости, и формами его художественной реализации. В статье эти формы соотнесены с диалоговыми традициями Сократа и Лукиана, во многом определяющими такую оригинальную творческую стратегию Андреева, как провокативное вопрошание.

Ключевые слова: провокативное вопрошание, провокативность,

диалог Сократа, диалог Лукиана, диалоговая традиция.

Abstract. Evaluation of the Leonid Andreyev's artistic heritage with the various positions of human knowledge opens up new research possibilities. This article is result understanding of Andreev's creative thought in the literary and philosophical way. The purpose of article generalization the observation of such general philosophical position, as the principle of knowability, and forms its artistic realization. In article these forms are related to conversational tradition of Socrates and Lucian, which determined original Andreev's creative strategy as provocative questioning.

Keywords: a provocative questioning, a provocation, dialogue of Socratic, dialogue of Lucian, a dialog tradition.

Если под формой художественного произведения понимать весь набор заданных автором текстовых конструкторов: образов, идей, положений и расположений, а также производимого ими определённого эстетического эффекта [см. 5, с. 70], – то форма произведений Леонида Андреева, безусловно, провокативная. Творческие интенции этого классика русской литературы начала XX века глубоко субъективны по характеру, но универсальны по сути инспирируемых автором мыслей и транслируемых читателю посылов. Будучи новаторским и весьма оригинальным, творчество Андреева всё же находится в орбите общефилософских положений, главным из которых является принцип познаваемости. Андреевым отстаивается право человека «осваивать» мир всем многообразием доступных ему форм и методов – от буффонадного гаерства («Гибель самозванца») и оригинальничания («Оригинальный человек») до подстрекательства («Нет прощения») и неоднозначного мессианства («Жизнь Василия Фивейского», «Иуда Искарот» и др.). В стремлении защитить исконное право индивида на постижение реальности посредством активного и сознательного изменения её устойчиво-привычных, стандартизированных форм автор, как и многие из его великих предшественников, пытается отыскать свои «провоцирующие,

дразнящие, испытывающие, диалогизирующие слова и сюжетные положения» [2, с. 24]. В провокационном испытывании, обращённом прежде всего к читателю, его сознанию и чувствам, Леонид Андреев наследует философскую и литературную диалоговую традицию античной культуры.

Провокативность произведений Андреева как форма дразнения «колючим» вопросами, несомненно, восходит к этическому рационализму Сократа, причём лежит в плоскости не столько его философской мысли как таковой, сколько в сфере способов её обоснования. Античность в желании найти истину обращалась к ресурсам здравого смысла как самому надёжному средству и орудию познания, и, по Сократу, истина должна «сама родиться в голове человека; человек должен сам из себя произвести необходимое знание, лишь тогда оно будет делом его истинной убеждённости, частью его самосознания» [15, с. 24–25]. Задача не только философа, но и художника слова, сводится, в понимании Сократа, к оказанию помощи в процессе мыслепорождения. Наиболее адекватной в этом процессе является форма «речевого диалога» [11, с. 122] с возможностью «вопрошания» [11, с. 135], форма, отличная от монологичной, практикуемой в официальной античной науке и риторике. Своим способом мыслепорождения Сократ наметил путь системного поиска истины – главного условия научного знания. При этом функциональные роли участников диалога – уверенного всезнайки и неосведомлённого простака – философом переосмыслены кардинально. В практике сократического диалога незнание одного из диспутантов не является зазорным, так как легко компенсируется им в процессе активного вопрошания. Неведение как воплощение принципа «Я знаю только то, что ничего не знаю» не смущает и Андреева, не останавливает оно и его ищущий истину героев, однако непонимание, точнее непостижимость сути вещей, безусловно, их тяготит. Это заставляет художника задаваться вопросами. Не случайно современники, не до конца понимая всей сути, отмечали это свойство творческого мышления писателя, утверждая, что трагизм его произведений «упирается в вопросительный знак» [12, с. 33–34].

Впервые на особое функциональное качество вопрошания (сущностного принципа философии вообще [11, с. 122] и поведения героев Андреева в частности) укажет А. А. Блок. В своей заметке «Памяти Леонида Андреева» (1919) поэт утверждает, что со страниц своих произведений писатель задаёт по-детски «нелепый» и «досадный» вопрос «Зачем?», ответить на который не в состоянии ни один из умудрённых знаниями взрослых [3, с. 189]. Блок верно распознал то, что сам Андреев определял как смысл творчества, цель которого отыскать «вечно человеческое, которое не даётся иногда сильнейшим умам, вооружённым всей силой знания» [1, Т. 6, с. 394]. В «грубости, топорности, наивности» детских вопросов и состоит, по мнению Блока, главное достоинство произведений Андреева, не наблюдаемое ни у кого из современников [3, с. 189].

О «прирождённой философичности внешне наивных детских вопросов и ответов» [11, с. 60] говорит историк К. Ясперс. «Детскость» сама по себе особое поведенческое свойство, не единожды подмеченное в увлечениях, образе жизни, простодушии Андреева, о котором К. Чуковский замечал: «Только очень талантливые люди <...> умеют быть такими детьми. Легко представить себе Пушкинского Моцарта, с увлечением играющим в лошадки. <...> Когда ребёнок делает себе железную дорогу из стульев, надо быть унылой бездарностью, чтобы сказать ему, что это не вагоны. В том-то и было главное очарование Андреева» [10, с. 163]. Позиция по-детски наивного вопрошания становится характерной чертой поведения многих героев писателя. Даже «Сатана Андреева является носителем как бы отстранённого, „детского“ взгляда гениального, но не знакомого с жизнью ребёнка» [6, с. 125], и именно «благодаря этой незамутнённости восприятия раскрывает для себя тёмные стороны человеческого общества...» [там же].

Вопрошает Андреев и его герои так же, как когда-то Сократ, в своих диалогах-провокациях высвобождавший истину из-под власти авторитета, предрассудков, ограниченности и однобокости знания псевдомудрецов. Провокация как способ познания мира – тоже форма вопрошания, но не

риторического, а подкреплённого практической деятельностью героев в условиях быто-бытийной заданности. Именно практического решения сложной проблемы свободы вероисповедания и верности духовным принципам требует Иван Богоявленский, герой повести Андреева «Сын человеческий», озадачивший своих коллег, священников, мыслью о возможном переходе в магометанство. Со своими увещателями герой ведёт два диалога – прямой (реальный) и имплицитный: с одной стороны, остро отвечает на урезонивания «отцов», и, с другой, внутренне протестует против непонимания ими коренных противоречий сложившейся ситуации («Не то, отцы, не то», – приходит к выводу герой [1, Т. 3, с. 201]).

Диалогическая традиция Сократа открыла возможность стереоскопического видения истины [см. 7, с. 19] за счёт очерчивания более широкого круга этических вопросов [15, с. 24]. Эти возможности в андреевском интеллектуально-творческом вопрошании использованы максимально, правда, в несколько философизированной форме, что впрочем характерно и диалогам Сократа, являющимся более жанром философской, нежели художественной прозы. Последнее обстоятельство потребовало обращения к тому типу диалога, что в контексте художественной поэтики имеет более приемлемые по сравнению с сократической беседой конфигурации. По мнению Н. Т. Пахсарьян, таковыми стали морально-этические диалоги сатирика Лукиана [14, с. 13], направленные на «разоблачение лжи, мнимой истины, общепринятого мнения невежд» [7, с. 19]. Лукиановский контекст, на наш взгляд, способен существенно дополнить представления об интертекстуальности творчества Леонида Андреева: наследие «Вольтера классической древности» выявляет ряд особенностей некоторых неоднозначно трактуемых произведений писателя начала XX века [подроб. см. 9, с. 52]. Так, например, образ «дедушки» из повести «Мои записки» следует оценивать как изворотливого обманщика, игрока с сознанием и эмоциями людей, злобного насмешника над их недалёковидностью. И помогает определить эту истинную, глубоко

завуалированную Андреевым сущность героя вовсе не контекст Достоевского (невинно страдающих за чужое злодеяние героев), а образ лукиановского Перегрин – персонажа, меняющего как морской бог Протей свои личины. В обоих героях сопряжены два полярных этических центра порока и добродетели, циничной игры с чувствами верующих и маски христианского мученика. Следует заметить, что и образы «последователей» философии «железной решётки», щедро сдобренные иронией автора «Записок», наводят на мысль о тяготении андреевского текста к саркастической традиции Лукиана, обличавшего любые бездумно-безвольные проявления человеческой природы, в частности, пленение сомнительными, принятыми на веру авторитетами.

Особо важно обратить внимание на лукиановский контекст, когда речь идёт о формах авторского присутствия в произведениях Леонида Андреева. В позиции авторов – мудрых скептиков, сомнения которых вскрывают проблемы «общих мест» и тем самым стимулируют читательское внимание, – нам видятся наибольшие совпадения [см. 8, с. 370–371]. В активизации реакций реципиента текста видится принципиальная новизна литературы, в частности, XX века, которая «не только работала над художественной формой <...>, а чрезвычайно активно вовлекалась в диалог с читателем, моделировала позицию читателя и создавала позицию рассказчика, который учитывал позицию читателя» [16, с. 238]. Андреевым так же, как и многими его предшественниками: Стерном, Гёте, позже Байроном, Лермонтовым, Диккенсом, Бальзаком, Тургеневым, Толстым, Писемским, Достоевским – усложнялся «психологический состав образа автора» [13, с. 8, 9, 14]. Процесс же рецепции авторского «я» усложнялся настолько, что порой приводил читателя в полное замешательство [9, с. 51], но именно в границах такой повествовательной и интерпретационной художественной стратегии Андреевым задавалось провокативное вопрошание.

Произведения писателя по своей форме, содержанию, истолкованию

реальности вызывали у читателя ассоциации с давно знакомым (например, героем, темой, жанром) и привычными «правилами» чтения, понимания текста. Но писатель, провоцирующий читателя на новые реакции, идёт на нарушение традиций, создавая произведение, чья необычная эстетическая форма [4, с. 23–24] и особая художественная атмосфера [2, с. 37] ставит читателя перед вопросами, решения которых не обеспечила традиционная система норм и ценностей. Особенность такого подхода является отличительной чертой диалогов как Сократа, так и Лукиана: оба автора, отвергая готовые ответы-«формулы», стремятся освободить истинное от ложных наслоений. В андреевском тексте эта атмосфера достигается также за счёт диалогизации повествования, то есть перехода от нейтральных слов и ситуаций к таким, где «всё должно задевать героя за живое, провоцировать, вопрошать, даже полемизировать и издеваться...» [2, с. 37]. Именно такая форма «стимулирует не только сенсорные, эстетические установки читателя, но и его способность к эстетической оценке, к моральной рефлексии» [18, с. 129–130]. Вслед за этическими дилеммами древнегреческих мыслителей Андреев намеренно разрушает сложившиеся представления и трактовки с тем, чтобы вызвать их критическое переосмысление. Сходным с античными авторами образом писатель организует и формально-содержательный комплекс своих произведений, чтобы содействовать накоплению у адресата текста нового этико-эстетического опыта. «Механизмы» формирования последнего практически исключают характерные для литературы XVIII–XIX веков менторство, то есть той монологической формы повествования, что исходит из готового официального знания, как правило, принимаемого без творческого осмысления.

Свободно-критический способ выявления истины и испытания её жизнеспособности обусловил функционирование в творчестве писателя особого экспериментально-провокативного критерия. «Лабораторная» ситуация в «Рассказе о Сергее Петровиче», «Правилах добра», повестях «Жизнь Василия Фивейского», «Иуда Искариот», «Мои записки», «Сын

человеческий», в повести и драме «Мысль», драмах «Анатэма», «Екатерина Ивановна», «Собачий вальс», романах «Сашка Жегулев» и «Дневник Сатаны» составляет идейно-содержательный стержень этих произведений и определяет их структурно-композиционное построение.

Принципу провоцирования отвечает и особая позиция Андреева, выступающего практически во всех своих сочинениях в роли юриста среди писателей и писателем среди юристов: «...Андреев был подлинным адвокатом для очень многих и прокурором для других, совершенно немногих, из своих же персонажей» [17, с. 164]. Оправдание героя или вынесение ему приговора – стандартная ситуация для любого автора, отношение которого к изображаемому не может не найти отражения в тексте. Но утвердившийся в искусстве Андреева провокативный подход явился прямым следствием определения его человеческих и писательских приоритетов: сначала художник выступил в роли «адвоката» маленького человека, но потом довольно «быстро эволюционировал в сторону более органичной для него миссии – быть бескомпромиссным „прокурором“, неустанным обличителем самой человеческой природы, самих основ бытия» [4, с. 21–22]. Принцип провокативного вопрошания обретал у Андреева функцию чеховского «человека с молоточком» и гоголевского «Судьи-ревизора» и являл попытку убедить читателя в ошибочности его обыденных представлений о жизни, развенчать ущербность сентиментально-лубочных, обывательски-недальновидных, поверхностных взглядов на реальное.

Итак, Сократ заложил основы понимания диалогической природы истины; Лукиан обнажил принцип здорового и критического её восприятия и приятия. Оба античных автора с разницей в семь столетий определили основные конфигурации не столько диалогового повествования, сколько диалогизированного, то есть провоцирующего вопрошания, позволяющего добиться «аутентичного» знания. Писатель Леонид Андреев в своих творческих принципах наследует самый дух таких приёмов поиска и отображения художественной правды, представляя тем самым не столько

определённый этап наследования классиков, сколько универсальность ряда методов познания мира и их непреложное значение в идейно шаткие времена. В единстве с приёмами вопрошания (так называемыми «детскими» вопросами в сократической беседе) специфику провокативных диалоговых стратегий творчества Андреева определяют принципы сатирико-обличительных повествований Лукиана, что в пределах литературного текста реализуются писателем на уровне «автор–читатель». Методичное, ненавязчивое, но при этом намеренное подведение читателя к пониманию концепции автора – не пророка, не глашатая, но вопрошающего провокатора – меняет логику утверждения духовно-нравственных ценностей. Андреевское провокативное вопрошание испытывает на прочность «общие места», сталкивая их с мировоззрением современников, людей новых отношений и взглядов. Писатель-провокатор создаёт ситуации, где «теория» приходит в противоречие с жизненной практикой, «канонические» представления дают сбой, и затем, уже как наблюдатель, автор отслеживает реакции воспринимающего сознания, вынужденного обнажить свой внутренний ресурс и реализовать собственный интеллектуально-нравственный потенциал.

Обращение художника к проблемам, априори лишённым однозначности, усложняет формы его диалога (в самом широком понимании этого понятия) с потенциальным читателем. Но чтобы достучаться до мысли и чувства последнего, получить ответы на вопросы, тревожащие автора не меньше, чем его аудиторию, Андреев решаетеся построить диалог с реципиентом текста по принципу провокативной апробации – своеобразного дерзкого выпада, испытания человека на его духовно-этическую «компетентность». В этом отношении правы те, кто считал Леонида Андреева мастером задавать нетривиальные вопросы, определять тем самым качество читательских реакций, фиксировать степень осознания ими непростого, допускающего неоднозначную трактовку художественного факта, и, заметим, добивался этого так же искусно, как когда-то рыцарь

философии Сократ и «Вольтер классической античности» Лукиан.

Библиографический список

1. Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. / Редкол.: И. Андреева, Ю. Верченко, В. Чуваков. – М.: Художественная литература, 1996.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: AUGSBURG 2002. – 167 с.
3. Блок А. Собрание сочинений: в 8 т. / Под общ. ред. В. Н. Орлова. – Т. 5. – М.; Л.: Изд-во художественной литературы, 1962. – С. 795
4. Бугров Б. С. Леонид Андреев. Проза и драматургия. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 112 с.
5. Выготский Л. С. Психология искусства. – М.: Педагогика, 1987. – 344 с.
6. Грузин Ю. В. Инфернальный герой русской прозы XX века. Истоки. Типология. Трансформация: дисс. ... канд. филол. наук: спец. 01.01.02 – русская литература. – Киев, 2001. – 231 с. (библ. со с. 211).
7. Гордон Л. С. Диалог в философском романе Дюлорана «Кум Матье» // Уч. записки Уральского гос. ун-та им. А. М. Горького. – 1966. – Вып. 44. – С. 17–31.
8. Икитян Л. Н. Лукиан и Леонид Андреев: культурный диалог скептиков // Русский язык и литература : Проблемы изучения и преподавания в школе и вузе. 2011 : сб. науч. работ / Под общ. ред. Л. А. Кудрявцевой. – Киев, 2011. – С. 370–374.
9. Икитян Л. Н. Художественная провокация автора и героя: к вопросу о межтекстовых связях в творчестве Леонида Андреева («Мысль» и «Мои записки») // *Rossica Olomucensia : Časopis pro Ruskou a Slovanskou Filologii* / Гл. ред. Prof. Zdeněk Pechal. – Оломоуц. – 2015. – Vol. LIV, Num 2. – P. 35–54.
10. Книга о Леониде Андрееве: Воспоминания М. Горького, К. Чуковского, А. Блока, Г. Чулкова. Б. Зайцева, Н. Телешова, Е. Замятина, А. Белого. – Берлин; СПб.: Типография З. И. Гржебина, 1922. – 192 с.
11. Кузнецов В. Г. и др. Философия. Учение о бытии, познании и ценностях

- человеческого существования: учеб. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 519 с.
- 12.Луначарский А. Социализм и искусство. Опубликовано в «Театр». Книга о новом театре: Сборник статей. – СПб.: Шиповник, 1908. – С. 7–40.
- 13.Манн Ю. В. О понятии игры как художественном образе // Манн Ю. В. Дialeктика художественного образа. – М.: Советский писатель, 1987. – С. 209–236.
- 14.Пахсарьян Н. Т. Формы повествования в «Авантюрах барона Фенеста» д'Обинье // Актуальные вопросы курса истории зарубежной литературы XVII века: сб. науч. статей / отв. ред. Л. Я. Потемкина. – Днепропетровск, 1974. – Вып. 2. – С. 11–25.
- 15.Подосинов А. В. К проблеме сократовского диалога // Античная культура и современная наука. – М., 1985. – С. 21–26.
- 16.Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 2003. – 608 с.
- 17.Сергеев-Ценский С. Н. Леонид Андреев // Сергеев-Ценский С. Н. Радость творчества: Статьи. Воспоминания. Письма / Сост. В. К. Козлов. – М.: Изд-во «Крым», 1969. – С. 163–174.
- 18.Современное зарубежное литературоведение. Страны Западной Европы и США: концепции, школы, термины: энциклопедический справочник / Сост. И. П. Ильина и Е. А. Цургановой. – 2-е изд. – М. : «Интрада», 1996. – 320 с.

Секция 6. Стилистические и жанровые аспекты коммуникации

УДК 8142

Шатилов А.С. Динамика изменений стиля газетных заголовков (на примере газеты «Известия» 1990, 2000 и 2010 гг.)

Dynamics of changes in style headlines (for example, the newspaper
"Izvestia" 1990, 2000 and 2010)

Шатилов Андрей Сергеевич, Санкт-Петербургский государственный
университет, Филологический факультет, кандидат педагогических наук,
доцент

Shatilov Andrew S., St. Petersburg State University, Faculty of Philology,
PhD, Associate Professor

Аннотация: в статье анализируется динамика изменений стиля газетных заголовков с 1990 по 2010 год на примере газеты «Известия». В качестве критериев были выбраны следующие параметры – количество глагольных и именных заголовков, средняя длина заголовков и количество прецедентных текстов. Динамика изменений стиля заголовков выражается в следующем: увеличивается удельный вес глаголов в заголовке, причем преобладают формы совершенного вида прошедшего времени; увеличивается средняя длина заголовка; значительное место (до трети заголовков) занимают прецедентные тексты различного происхождения; лексика отличается широким стилистическим диапазоном с преобладанием нейтрального стиля.

Ключевые слова: газетный заголовок, стиль, «Известия».

Abstract: the objective of the present work paper is to investigate the changing of news paper headlines. The examples were taken from the news paper

Izvestija issued from 1990 up to 2010. The headlines were analyzed according the following criterion: the number of verbal and nominative headlines, the average volume, and the number of culturally related utterances. The results reveal that at the mentioned period the verb in headlines became more important than the name, specifically perfect forms of simple past tense; the average volume of the headlines has enlarged; the significant part of the headlines composed culturally related phrases (up to the third part of the whole number); the vocabulary have been stylistically wide but neutral style prevails.

Keywords: news paper headlines, style, Izvestija

Предметом рассмотрения является динамика изменений в заголовках СМИ, конкретно, в газете «Известия». Методом сплошной выборки нами был проанализирован 141 заголовок в 4 номерах газеты за 1990, 2000 и 2010 годы. Промежуток в 10 лет представляется достаточно солидным, чтобы получить объективную картину изменений. Мы выбрали следующие параметры анализа – количество глагольных и именных заголовков, средняя длина заголовков и количество прецедентных текстов. Полученные данные можно представить в виде следующей таблицы.

Таблица 1.

Годы	Количество заголовков	Глагольные	Именные	Средняя длина	Количество ПТ
1990	59	33	26	3,6	нет
2000	40	21	17	4,9	11
2010	42	27	13	5,1	13

Как явствует из таблицы, соотношение глагольных и именных форм в заголовках меняется со временем – в 1990 году это соотношение было 56% к 44%, в 2000 – 50% к 42%, в 2010 – 62% к 31%. Характерной чертой советского газетного заголовка была ярко выраженная безглагольность, поскольку заголовок лишь сообщал общую тему сообщения, официальной новости, не конкретизируя ее содержание. Например: С официальным визитом, Заседание комиссии, Председатель городского совета – доктор

наук, Пресс-секретарь при Президенте, Народный виртуоз и другие, Футбольный комплекс у Черного моря, На сессии верховного совета Таджикской ССР, Наконец, своя земля, Одоление процедуры, Поиск истины, В Совете Министров СССР, В Прокуратуре СССР, Курс на обновление и социальную стабильность, Сикские сепаратисты и президентское правление, Кандидат в сборную США из... «Локомотива», Японский автомобиль в Москве, Второе рождение Шереметьево-1, Трудности с экспортом революции, Притязания на «Метрополь», Столкновения в Сальвадоре Литовская ситуация, Заявление Хекматиара, Шаг до мира, шаг до войны, и т.п. (примеры из номеров газеты Известия от 11 и 18 апреля 1990 года). Журналисты фиксировали факт, но не рассказывали о том, что произошло. Симптоматично, что в заголовках чаще всего используется настоящее время глаголов (66%), прошедшее время (33%) и очень редко будущее время (5%). Для настоящего времени весьма частотна неопределенно-личная форма 3 л.мн. ч. - Освобождают пленных, Уходят из райкомов. Изредка встречаются инфинитивные конструкции и краткие формы причастий - Каким быть катунскому проекту, Дать государству в долг, Правительство приведено к присяге, Обсуждены кандидатуры послов, Солдаты-заложники освобождены, Отмечены наградой, Поездка отложена, Объявлено о помиловании. Размытый характер сообщения передается бессубъектными формами – для читателя неважно, кто деятель, важен сам факт произошедшего (ср. известное выражение Есть мнение). Поскольку газетный заголовок содержит указание на общую тему, он весьма краток – в 1990 году средняя длина заголовка составляла 3,6 слова. Чтобы получить уточняющую информацию, кроме самого текста сообщения, необходимо было прочитать подзаголовок, а затем еще и вступление. В этом случае неопределенность заголовка «снялась» дальнейшим изложением.

Важно отметить, что в этот период начинается использование прецедентных текстов и фразеологизмов, но пока это только единичные случаи - Крик души после театрального марафона, Вокруг Альтова, При

свете Гоголя, Налоги: кнут или пряник? Судный день, С чего начинается театр. Большая часть заголовков носит характер прямого информирования без каких бы то ни было намеков или иносказаний - Беседа президента СССР с американскими сенаторами, Перестройка принадлежит всему миру, Работает Правительственная комиссия, Матрешка собирает хоровод, Приз «Известий» уедет в воскресенье, Показывает Ленинград, У молодежи есть свое мнение, Что решит верховный суд, Эстония: открылась сессия, Дипломат представляет союзную республику, Чемпионат начался, Сообщает Гидрометцентр СССР.

Уже к 2000 году в средствах массовой информации произошли важные изменения – читателю стало необходимо не только увидеть тему сообщения, но и сразу получить информацию о событии. Прежний стиль газетного заголовка уступил место стилю сообщения конкретной новости, что должно было бы привести к превалированию глагольных форм, однако количество именных и глагольных форм напротив, стало более или менее одинаковым – 50% к 42%. В глаголах по-прежнему преобладает настоящее время – 50%, далее следует прошедшее время – 30%, и будущее – 5%. Что касается среднего размера заголовка, то он несколько увеличился – до 4,9 слова.

Бросается в глаза резкое увеличение количества прецедентных текстов и фразеологизмов – из 40 заголовков 2000 года они встречаются в 11 случаях, т.е. составляют 27% всех заголовков. Приведем несколько примеров - Огнем и мечом, Нынче муха-дрозофила именинница, Бревно в американском глазу, Французским коммунистам Зюганов не товарищ, Детки таблетки в кабинках нашли, Учите английский язык, не отходя от кассы, За дона Педро! Дома и солома едома, Средство продвижения, О диоксидах и не только, Судьба по имени ДЦП, Прощай, товарищ! Обратим внимание на то, что в заголовках этого периода языковая игра заголовка зачастую затемняет само сообщение, делает его малоинформативным. Эта черта роднит заголовки 2000-гг. с заголовками советской прессы, которые были процитированы ранее. Можно предположить, что бум использования

прецедентных текстов, имен, высказываний, который охватил отечественную журналистику, берет свое начало в конце девяностых – начале двухтысячных годов, когда приемы языковой игры стали активно внедряться в язык СМИ. В настоящее время прием использования «вторичных текстов» в качестве заголовков по-прежнему активно используется практически во всех типах изданий, вплоть до специализированных. Например, в журнале «За рулем» (2015 год) можно встретить такие заголовки, как Renault Sendero против (Баба-Яга против! — советский трёхсерийный рисованный мультфильм 1979 года, выпущенный студией «Союзмультфильм» к летним Олимпийским играм 1980 года), Кто в поле воин? Со страхом и упреком (Рыцарь без страха и упрека - перевод с французского: звание, которое король Франции Франциск I пожаловал известному французскому рыцарю Пьеру дюТеррайлю Баярду (1476-1524), прославившемуся своими подвигами в битвах и победами на турнирах), Хелло, Китти! – статья о британском автомобиле Ягуар (Hello Kitty яп. ハロキティ харо кити, от англ. «Привет, киска») — персонаж японской поп-культуры, маленькая белая кошечка), и т.п. Подобного рода жонглирование смыслами уже стало общим местом в журналистике.

В заголовках 2010 года мы наблюдаем следующую картину: глагол победил окончательно (62% глагольных заголовка против 31% именных), в глагольных формах ведущее место заняло прошедшее время (57%), настоящее время используется в 19% случаев, будущее – в 11%. Преобладание прошедшего времени объясняется тем, что именно эта форма передает основное содержание новости, делая ее конкретной и информативной – Торговец Вартанов отказался приютить поэта Бродского, Сдал развалюху – ходи пешком, Президента Путина вернули в ГДР и т.п.

Средняя длина заголовка увеличилась до 5,1 слова, что связано, по-видимому, с тем, что в электронном виде читатель видит только часть текста, в то время как в бумажной версии ему доступен весь текст заголовка. Следовательно, та часть, которая попадает в поле зрения читателя, должна

быть информативной и привлекательной. Так, в статье Александра Амзина «Новостная интернет-журналистика» приводятся данные о том, что на сайте Лента.ру средняя длина заголовка не превышает 7 слов, общий тон – нейтральный, соблюдается жесткий формат новости, преобладает прошедшее время глагола [1]. По нашим наблюдениям, средняя длина заголовка на сайте news.mail.ru составляет 6 слов.

Количество прецедентных текстов в заголовках 2010 года по-прежнему большое – 31%, причем они становятся все более и более изощренными, например: Иркутская гастроль столичного опера, Президент Бакиев получил по МАКСИМуму, Глава МВД запросил «помощь зала», Обман в прямом эфире, Чувство книги, Инвалиды и инновации, Экономика взошла, Между красными и белыми, Шевченко шагает правой, Нетребко спела под звон мобильников, С «Динамо» сняли ХОМУТова, Риера собрался в Россию с любовью. Юлией, Спят усталые шотландцы, Слушать подано. Многие заголовки совершенно непонятны вне контекста сообщения. Стоит отметить разнообразие источников происхождения прецедентных текстов – от детских песен до воровского жаргона.

Таким образом, изменения в стиле газетных заголовков с 1990 по 2010 год выражаются в следующем:

1. увеличивается удельный вес глаголов в заголовке, причем преобладают формы совершенного вида прошедшего времени
2. увеличивается средняя длина заголовка
3. значительное место (до трети заголовков) занимают прецедентные тексты различного происхождения
4. лексика отличается широким стилистическим диапазоном с преобладанием нейтрального стиля.

Библиографический список

1. Александр Амзин. Новостная интернет-журналистика. Электронный ресурс. Режим доступа <http://kebati.ru/journ/journ.pdf>

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Сборник научных трудов
по материалам I международной
научно-практической конференции

25 января 2016 г.

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к
сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

ISBN 978- 5-00-005484-9

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 4,2. Тираж 100 экз.
Издательство Индивидуальный предприниматель Краснова Наталья Александровна
Адрес редакции: Россия, 603186, г. Нижний Новгород, ул. Бекетова 53.